ТВОРИТЬ ДЛЯ НАРОДА, ВО ИМЯ КОММУНИЗМА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

№ 155 (1491)

Орган Министерства культуры СССР и Центрального Комитета профессионального союза работников культуры

Четверг, 27 декабря 1962 года | Цена 3 коп.

ЗА ПАРТИЙНОСТЬ И НАРОДНОСТЬ В ИСКУССТВЕ!

Корреспонденты «Советской культуры» обратились к деятелям искусства — участникам встречи с руководителями Коммунистической партии и Советского правительства 17 декабря 1962 года.

Вот что они рассказали о своих впечатлениях:

МОЩНЫЙ СТИМУЛ

ВСТРЕЧА руководителей партии и правительства с представителями советской художественной интеллигенции 17 декабря оставила у нас, деятелей культуры, большое, неизгладимое впечатление.

Сердечность, царившая там, создавала атмосферу глубокой откровенности, дружественности, необыкновенной заинтересованности в плодотворном развитии литературы и искусства, которая так характерна для всех встреч руководителей Советского государства с верными помощниками партии в области идеологической работы — литераторами, художниками, композиторами, деятелями кино и театра.

В своем вдохновенном, образном выступлении Никита Сергеевич Хрущев, в своей речи секретарь ЦК КПСС Л. Ф. Ильичев призвали деятелей культуры отдать все свои творческие силы созданию волнующих, правдивых, мастерски сделанных произведений о нашей современности, о людях, строящих коммунизм, произведений, которые могут иметь воспитательное значение для советских людей, радовать их сердца, обогащать их духовный мир.

В выступлении Н. С. Хрущева, в речи Л. Ф. Ильичева, в словах выступавших деятелей культуры прозвучало осуждение по адресу формалистических выкрутасов, которые еще имеют место в творческой практике некоторых советских деятелей культуры.

Социалистический реализм создает бескрайние, неисчерпаемые возможности для проявления творческой индивидуальности художника, для свободного, плодотворного художественного эксперимента, и истинно талантливому человеку нет нужды прибегать к средствам выражения, стоящим вне искусства.

Все выступавшие на встрече с большой заботой говорили о воспитании молодого поколения творцов советской литературы и искусства. Необходимо, чтобы воспитатели интересовались не только академическими работами своих студентов, но чтобы воспитание всего духовного облика учащихся наших художественных высших учебных заведений находилось постоянно в поле зрения профессоров и преподавателей, чтобы было проявлено больше заботы об идейно-творческом воспитании нашей молодежи.

Знаменательная встреча 17 декабря, являющаяся новым проявлением постоянной заботы нашей партии и правительства о процветании советской литературы и искусства, вольет новые силы в деятелей советской культуры, послужит мощным стимулом нашей дальнейшей творческой работы — работы, которая имеет такое большое значение в коммунистическом воспитании трудящихся.

Тихон ХРЕННИКОВ,
первый секретарь Союза композиторов СССР.

ДОБРАЯ ТРАДИЦИЯ

ХОРОШО, что встречи руководителей партии и правительства с работниками искусства стали теперь традицией. Это добрая, плодотворная традиция. На этих встречах яснее осознаешь масштабы тех требований, с которыми подходит наше государство к искусству.

Деятели культуры — передовой отряд интеллигенции, и велика их роль в деле воспитания народа.

Сейчас, когда созидается коммунистическое общество, когда рождается новый, свободный и счастливый мир, с особой остротой ощущаешь то значение, которое имеет правда. Правда, обличающая пережитки, правда, зовущая к новому, светлому, призывающая дерзать, творить, любить человека. Такая правда — главный герой в любом подлинно народном произведении искусства. Вот о чем мы все должны помнить, вот о чем не имеем права забывать.

Смелая мысль, созвучная времени, требованиям жизни, — вот что может и должно стать основой наших пьес, спектаклей, книг, художественных полотен. Единство передовой мысли и той органически свойственной для замысла художественной формы, без которой искусство немыслимо, делает творческий труд плодотворным, полезным, необходимым.

И та громадная воспитательная роль, которую партия отводит советскому искусству, заставляет нас подходить к себе с особой требовательностью, проверять сделанное по этим высоким меркам, с заботой относиться к завтрашнему дню. После такого смелого и откровенного разговора хочется и работать по-другому, хочется претворить на деле те высокие требования, которые предъявляются к нам.

Требования партии к искусству — требования народа. Они близки нам, в частности творческому коллективу Художественного театра. Ведь народное творчество реалистично по своей природе.

Творить для народа, быть близким народу — вот наше кредо, вот то, чему учит партия.

Только связь с окружающей действительностью, с живыми делами и живыми людьми помогает деятелям искусства отражать стремительные изменения, происходящие вокруг нас.

Только реалистическое искусство может с наибольшим совершенством выполнить все высокие задачи, ответить на те требования, которые предъявляют к нам партия и правительство.

М. КЕДРОВ,
народный артист СССР.

ДРУЖЕСКАЯ БЕСЕДА

ОЧЕНЬ хорошее впечатление осталось от теплой и вместе с тем деловой встречи с руководителями партии и правительства в Доме приемов на Ленинских горах. Они просто, по-товарищески разговаривали с нами, обсуждали наболевшие вопросы, спорили и убеждали, ну, право, это было совершенно не похоже на официальный прием в правительственном учреждении.

Беседа касалась тех проблем, которые мешают плодотворно развиваться нашему искусству. Эта встреча помогает отличать подлинных новаторов от кривляющихся и манерничающих эпигонов буржуазного искусства.

И. КЛЫЧЕВ,
председатель Союза художников Туркмении.

В СЕРДЦЕ КАЖДОГО

СЕЙЧАС, когда прошло уже десять дней после этой памятной встречи и улеглись первые впечатления, которых так много и которые так ярки, каждый из нас, кому посчастливилось там присутствовать, имеет возможность мысленно оглядеть свой творческий путь и оценить его с требовательных и принципиальных позиций партии.

Эти, ставшие традиционными, встречи с руководителями партии и правительства, которые всегда проходят в атмосфере глубокого доброжелательства, дают нам, работникам советского искусства, очень многое, являются хорошим ориентиром в работе каждого из нас, помогают разобраться в правильно оценить свое творчество и творчество наших товарищей по оружию.

Всех нас взволновало посещение выставки произведений московских художников руководителями партии и правительства и справедливая критика, которая была высказана в адрес тех, кто увлечен абстракционистскими выкрутасами.

Во время беседы каждый из нас мог еще раз осмотреть эти работы и убедиться в том, насколько они далеки от жизни, убоги, уродливы. Оценка этих «произведений» Никитой Сергеевичем Хрущевым—оценка народа, оценка каждого из нас. Вечно живые слова Владимира Ильича Ленина о том, что искусство принадлежит народу, — не просто лозунг, начертанный над фасадом театра или дома культуры, слова Ильича звучат в сердце каждого, кто посвятил себя служению искусству. Следовательно, оно должно быть таким, чтобы доходить до сознания любого человека, затрагивать в его душе самые сокровенные струны.

Все мы отлично помним, как реагировали зрители на полотна и скульптуры зарубежных художников-абстракционистов, показанные в Сокольниках: зал, где были выставлены их работы, скорее походил на комнату смеха — такие взрывы хохота доносились оттуда, когда люди осматривали уродливые нагромождения кусков железа, мотков проволоки и прочих «скобяных товаров», кои составляли эти «произведения искусства».

Вечер на Ленинских горах был теплой встречей друзей. Разговор касался главным образом проблем изобразительного искусства, но все мы понимали, что так же требовательно и принципиально следует относиться к своему творчеству любому из нас, к какому бы «роду войск» он ни принадлежал.

Когда задумываешься о судьбах советского театра, о его успехах и просчетах, то ясно понимаешь, как много нам предстоит сделать: внутренний мир нашего современника так сложен, так богат, что воплотить его в художественных образах — увлекательная задача для деятелей театра.

Неустанный поиск, творческое горение, новаторство — вот что определяет успех произведений сценического искусства. Но, конечно, наши усилия будут мертвы без драматургического материала. Об этом говорилось и писалось неоднократно, и все же нельзя и сейчас обойти стороной этот вопрос. К сожалению, наши литераторы, работающие для театра, не всегда идут по самому главному, направляющему пути, подчас выбирают для своих произведений второстепенные темы.

Отражению многогранной жизни нашего современника отдают сейчас свое вдохновение актеры и режиссеры всех театров, в том числе и Малого театра. Своей главной задачей коллектив считает показ на сцене сложного интеллектуального мира советского человека. Это не исключает, разумеется, возможности изображения недостатков, каких-то негативных сторон, но во всем этом должны звучать жизнеутверждающие начала коммунистических идей. Поэтому все наши усилия совместно с драматургами должны быть направлены на показ положительного героя нашего времени, чем, к сожалению, в настоящее время удовлетворены мы быть не можем.

Высшая форма реалистического искусства — социалистический реализм — предполагает огромные возможности для художника, полную свободу поисков, если они, конечно, направлены на благо народа. Идущего по этому плодотворному пути, несомненно, ждут большие творческие удачи. А жалкое подражание худшим образцам буржуазного Запада обречено на забвение и провал. Все мы понимаем, что в мире идет жестокая борьба двух противоположных идеологий — передовой идеологии нового мира и реакционной, человеконенавистнической идеологии империализма. И в этой борьбе не может быть и не будет никаких компромиссов.

Михаил ЦАРЕВ,
народный артист СССР.

ИДЕЙНОСТЬ, ГРАЖДАНСКАЯ СТРАСТЬ!

СОСТОЯВШАЯСЯ недавно встреча руководителей партии и Советского правительства с деятелями литературы и искусства взволновала писателей и художников, композиторов, работников советского театра и кино. Эта встреча не только взволновала, но и обрадовала. Ибо мы еще и еще раз ощутили отеческое внимание со стороны родной Коммунистической партии к нашему труду, мы еще раз услышали добрые слова о нашей деятельности. На этой встрече Первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым нам были даны мудрые советы, высказаны пожелания, продиктованные заботой о росте и развитии нашей литературы и искусства, заботой о том, чтобы создавались произведения, достойные нашего героического народа, достойные эпохи, которую мы с гордостью называем эпохой строительства коммунизма!

Творчество любого художника становится плодотворным тогда, когда он ощущает к себе внимание, когда он осознает, как важен его труд, когда он встречает поддержку и понимание в народе. Только при этом условии его творчество приобретает высокий гражданский смысл.

После XX и XXII съездов КПСС наша литература и искусство стали богаче по содержанию, глубже, по проникновению в мир мыслей и чувств советского человека; ярче проявилось многообразие жанров; в искусстве ярче расцвели творческие индивидуальности. Не станки и машины, а люди стали главным предметом изображения нашего искусства.

На развитие нашей литературы и искусства оказало воздействие творческая атмосфера, которая установилась после утверждения в стране коммунистической партией ленинских демократических принципов руководства во всех областях искусства.

Наглядным подтверждением этому могут служить наши лучшие книги, спектакли, фильмы, полотна художников, произведения композиторов.

Все это верно, конечно, и тем не менее, если взглянуть на литературу и искусство с высоты задач, выдвинутых XXII съездом КПСС, то нетрудно убедиться в том, что мы слабо отражаем величайшие свершения, которые происходят на наших глазах, ту великую битву за коммунизм, которую ведут под водительством партии миллионы советских людей.

МНЕ ПРИХОДИТСЯ много ездить по стране. Где бы я ни был, всюду идет бурное строительство, внедряется новая техника. Новые условия труда оказывают влияние на формирование нового человека. Все больше и больше становится всесторонне развитых и образованных людей, то есть тех самых людей, о которых мы еще в недалеком прошлом могли лишь мечтать. Это одна из важных примет времени.

У меня было немало встреч с рабочими и инженерами. И думалось каждый раз — какие интересные люди, какие судьбы, какой огромный материал для любого творческого работника! Вот, к примеру, судьба Дмитрия Пестова, экскаваторщика Высокогорского рудника. Его дед и прадед, работая на этом руднике, рано ушли из жизни, не испытав радости от своего труда, настоящего счастья. По-иному сложилась жизнь у Дмитрия. За честный, долголетний труд Советское правительство наградило его тремя орденами Ленина и присвоило высокое звание Героя Социалистического Труда. Его старший сын — депутат Верховного Совета СССР.

А вот еще судьба — сталевара Анатолия Морогова. Он пришел на Нижне-Тагильский металлургический комбинат имени В. И. Ленина после Великой Отечественной войны. Деревенский парнишка окончил при комбинате школу ФЗО, стал работать подручным сталевара, затем поступил в школу мастеров, стал сталеваром. Прошло некоторое время, и о Морогове заговорил весь комбинат. Он успешно осваивает переход на новый технологический процесс, сокращает часы плавки, выдает тысячи и тысячи тонн сверхплановой высококачественной стали. Творческий подвиг Анатолия Морогова достойно оценило Советское правительство: он удостоен звания Героя Социалистического Труда. Свердловская партийная организация избирает его делегатом XXII съезда КПСС. Жизнь этого человека заполнена событиями, творчеством, радостью открытий. Анатолий Морогов, приняв эстафету от своего старого мастера, достойно продолжает дела старой гвардии рабочего класса.

Люди, с которыми мне довелось беседовать, интересны, на мой взгляд, прежде всего цельностью натуры, твердостью воли, последовательной целеустремленностью в труде и в жизни. Это красивые, интересные люди. Об Анатолии Морогове один из товарищей сказал так:

— Если бы я был скульптором, я обязательно с него лепил бы образ нашего современника. Он в граниты просится.

Я с ним целиком согласен. Да, таких людей и должно показывать наше искусство, и главное, конечно, раскрыть его внутренний мир, склад его характера, его духовный облик.

Не могу не сказать еще об одном моем знакомом, о слесаре Первого подшипникового завода Викторове. Стоит с ним заговорить, как понимаешь, что это человек незаурядный. Как интересно, как тонко, например, он судит о нашей драматургии, о наших театральных постановках! Впрочем, он имеет полное право судить строго. Викторов — талантливый изобретатель, отличный производственник. А когда я узнал, что он вот уже который год участвует в работе Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства, то подумал: «Этот не ошибется, он знает, что ценит и любит народ».

Я говорю о таких людях, как Пестов, Морогов, Викторов, не потому, что не встречал людей с «сучками и задоринками». Я говорю о них потому, что именно характеров таких людей у нас явно не хватает в драматургии, хотя они имеют на это полное, если не преимущественное право. Это ведь именно такие люди ведут сегодня битву на самом переднем крае борьбы за коммунизм. Это они являются героями наших дней, а не те мальчики и девочки, «разочарованные» белоручки, не познавшие еще радости труда и по сути ничего еще не сделавшие для народа, чтобы украсить его жизнь. Но ведь именно эти «разочарованные» белоручки в отдельных пьесах пытаются стать судьями, ценителями дел старшего поколения — того самого поколения, которое завоевало Советскую власть, отстояло ее в борьбе с фашизмом, поколения, которое им дало свет, счастье и никогда ни словом не сетовало на то, что приходилось недоедать и недопивать, на то, что молодость прошла в сражениях, за то, что многие из них не доучились, не долюбили, погибнув в боях за свою Родину и счастье будущих поколений.

И разве справедливо противопоставлять поколения, ни слова не говоря о преемственности, которую не доглядел тот или иной драматург? Разве не голой схемой при проверке жизнью выглядит концепция, в которой все, мол, «старшие» отравлены эпохой культа личности, а младшие учат их уму-разуму, как, мол, по-новому понимать жизнь?

ДАВАЙТЕ ПОДОЙДЕМ к театральной афише московских театров. У неведущего человека может сложиться более чем отрадное впечатление. Мы видим новые имена драматургов, броские названия пьес. Некоторые театры успели выпустить по два-три новых спектакля. Однако настоящих героев, людей труда на сцене вы увидите мало, очень мало. А жаль! Больше того — у нас в последнее время появилось довольно много пьес вообще без героев. Написанных, я бы сказал, вне времени и пространства. Порой просто бывает трудно понять, где происходит действие, в нашей стране или где-нибудь на Западе.

Я не знаю, как у кого, но у меня впечатление такое, что из нашей драматургии иногда уходит что-то очень дорогое. Этим дорогим, на мой взгляд, является идейная страстность.

Не хватает зачастую нашей драматургии и партийной тенденциозности в самом высоком ее понимании. Справедливо нас в свое время критиковали за нарочитую прямолинейность, схематизм, когда герои превращались в рупоры идей автора и не больше. Но в погоне за искренностью, естественностью многие из драматургов стали забывать о ясности идейных позиций, об умении четко выразить свою точку зрения на явления жизни.

А нам-то и не к лицу скрывать, что мы являемся выразителями коммунистических идеалов, пропагандистами марксистско-ленинской идеологии — грозного оружия в борьбе с идеологией буржуазной.

Нам нужно учиться у нашей партии, учиться у Н. С. Хрущева. Где бы он ни был, где бы ни выступал, Никита Сергеевич открыто, последовательно и твердо отстаивает идеи коммунизма.

Тут же следует сказать, что литература и искусство буржуазного Запада имеют свою отчетливо выраженную идеологическую тенденцию.

Так почему же мы, деятели советской литературы и искусства, должны прибегать к эзопову языку, к намекам или догадкам? Партийная тенденциозность должна стать нашим идейным оружием. Ибо она выражает идеологию самую прогрессивную и самую гуманную. Безыдейность, аморфность чужды природе советской драматургии, чужды советскому театру. Может быть, вследствие настойчивых обвинений со стороны некоторых эстетствующих критиков в тенденциозности у нас и появились пьесы без героев, лишенные гражданского пафоса.

Зачастую критики обвиняют драматургию в иллюстративности. Тут тоже надо бы разобраться.

После известного постановления ЦК КПСС о приписчиках и очковтирателях у нас появился ряд пьес, в которых подвергались злому осмеянию приписчики и очковтиратели, руководители, оторвавшиеся от жизни. Отдельные драматурги постарались оперативно откликнуться на это важное событие. На их пьесы тут же приклеили ярлык «иллюстративные». Они, дескать, иллюстрируют постановление ЦК КПСС.

Но так ли уж это плохо, что люди стремились в своем творчестве быть помощниками партии, своими средствами пытаясь разъяснить народу пагубные явления прошлого? Ведь содержание работы нашей партии одновременно есть и содержание нашей жизни. Ведь мы не можем стать на позицию — партия сама, мол, по себе, а мы, драматурги, сами по себе будем творить.

Другой вопрос, как драматург отображает явления жизни, насколько глубоко, интересно, художественно. Следовательно, критиковать надо не стремление драматурга «иллюстрировать» явления, о которых говорит партия, а иллюстративное изображение жизни, схематизм в обрисовке характеров.

Кстати, чаще всего иллюстративность встречается в пьесах, в которых отсутствует острая постановка больших социальных проблем, где властвуют мелкотемье и мелкодумье.

И НАКОНЕЦ хочется несколько слов сказать о публицистичности драматургии.

Еще не успела выйти из печати пьеса Г. Мдивани «День рождения Терезы», как о ней горячо заговорили театральные критики. Я был свидетелем такого разговора:

— Ну как, читал «День рождения Терезы»?

— Читал. Лично мне пьеса не понравилась. Это же не пьеса, а агитплакат.

Но вот пьесу Мдивани поставил Театр имени Пушкина, и зритель на первом же спектакле снял это обвинение. Многие говорили:

— Когда я смотрел спектакль, все время чувствовал, будто я где-то рядом с бойцами революционной Кубы.

Я думаю, что это высшая похвала для драматурга, постановщиков и актеров. Хотя в пьесе можно увидеть немало огрехов, но она публицистична, страстно говорит о том, что волнует каждого честного человека. А это дорого. Нам крайне нужны пьесы не только на вечные проблемы, но боевито, оперативно, остро говорящие сегодня о сегодняшнем.

Лично я за такой агитплакат потому, что в нем бьется живой пульс нашей жизни. Скажу больше — я вообще не представляю большую или малую современную пьесу, в которой бы не нашла место революционная публицистика и романтика.

Время предъявляет ко всем нам строгий счет, и наш долг—сделать все, чтобы во всей красоте и величии раскрыть народный подвиг, чтобы наша драматургия, наш театр стали летописью народной жизни, летописью борьбы за коммунизм, за торжество новых, самых высоких коммунистических идеалов. Служа народу, нам надо учиться у него!

И. КУПРИЯНОВ.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ОБСУЖДАЕТ

НА ДНЯХ состоялось заседание художественного совета Министерства культуры СССР по вопросам эстрадного искусства. С большим докладом «Эстетические проблемы советского эстрадного искусства» выступил доктор искусствоведения профессор Ю. Дмитриев.

На этом заседании работа нашей эстрады рассматривалась с высоких позиций: насколько это искусство помогает формированию коммунистической идеологии, насколько оно включилось в общее великое дело — построение коммунизма в нашей стране.

В докладе и в прениях по докладу затрагивались наиболее острые проблемы теории и практики советского эстрадного искусства. Большое место в работе художественного совета было отведено вопросу о публицистике и сатире на эстраде. Помогая искоренению недостатков, ведя широкое наступление на все отрицательное в нашей жизни, артисты подчас забывают о высоком нравственном идеале, который необходим, так как без него их выступление превращается в нетерпимое на нашей эстраде зубоскальство. Многие выступающие говорили о том, что еще мало у нас делается для утверждения положительного героя на эстрадной сцене, недостаточно ярко отражается в эстрадном искусстве прославление нашей жизни, героики наших будней.

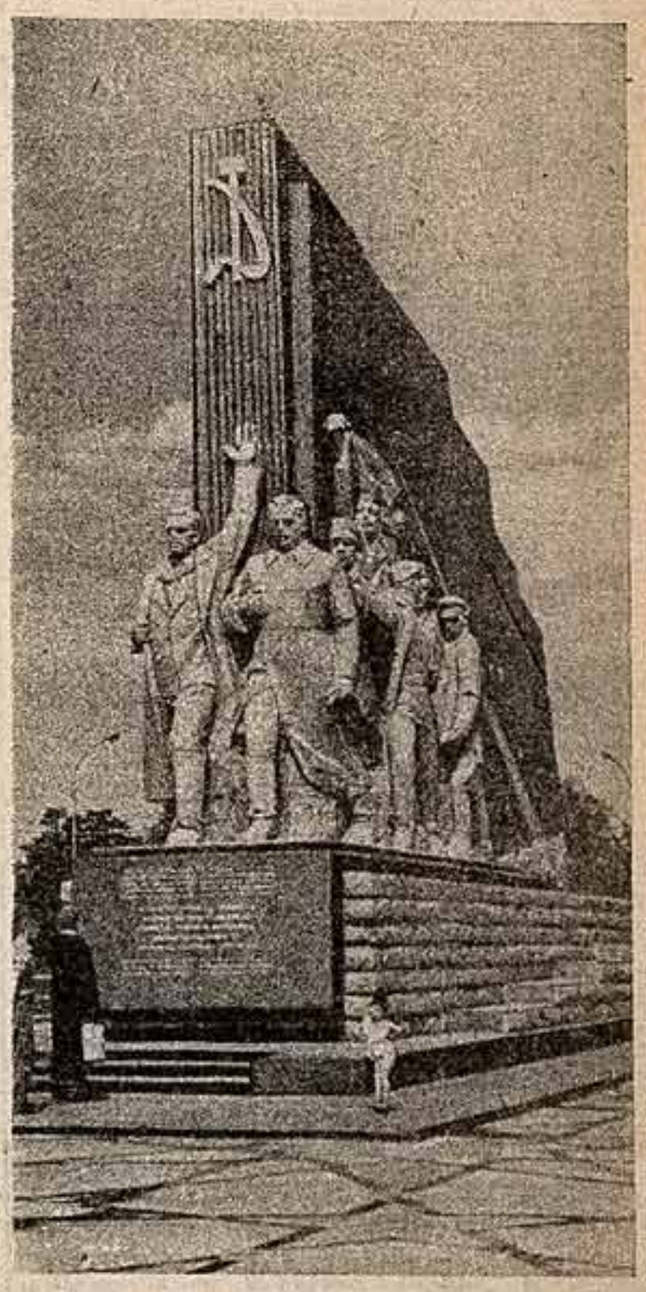
Каждое выступление артиста эстрады, каждое произведение его репертуара должны не просто отражать действительность, а по-новому рассказать о ней — глубже, ярче и значительнее. Очень важен в этом смысле репертуар, который давал бы возможность активно вмешиваться в жизнь. Но недостаток такого репертуара, пассивность многих поэтов, писателей, работающих в этой области, привели к тому, что выступления даже лучших, талантливых наших артистов нередко отмечены пошлостью, незначительностью темы, чувствуется явное желание угодить публике. Особенно «грешат» этим наши конферансье, которые не стремятся к созданию образа и основную свою задачу видят в том, чтобы рассмешить публику любыми средствами. Во многих выступлениях высказывались мысли о необходимости сделать наше эстрадное искусство несравненно разнообразнее, ярче, талантливее, интереснее всего того, что проникает к нам из-за рубежа.

Вопрос об эстрадных оркестрах, о советском джазе, об их репертуаре, о том, что и они должны пропагандировать подлинную музыкальную культуру, был затронут многими выступающими.

Эстраде необходимы талантливые музыканты, музыканты-артисты, умеющие жить на сцене, необходим репертуар без сентиментальной слезливости и пошлости. Необходимо, чтобы в центре эстрадного искусства стоял наш современник и чтобы писатели, поэты, режиссеры, композиторы и артисты творили, учитывая те высокие требования, которые предъявляют нам всем партия, народ и сама наша действительность.

В работе художественного совета приняли участие заместитель министра культуры СССР А. Кузнецов, член коллегии Министерства культуры СССР З. Вартанян, деятели нашей эстрады: Л. Утесов, В. Познанский, А. Коников, В. Ардов, М. Гаркави, А. Цфасман, Л. Маслюков, Л. Ленч и другие.

НА ЛЕНИНСКУЮ ПРЕМИЮ!



Рябичев Д. В. — скульптор, Миноянцев Н. Н., Ожегов С. С. — архитекторы. Памятник 14 туркестанским комиссарам в г. Ташкенте, выдвинутый на соискание Ленинской премии.

ДОБРЫЕ ДЕЛА АКТЮБИНЦЕВ

О общественниках культуры — это люди щедрой души и высокого гражданского долга. Их бескорыстная деятельность в клубах и библиотеках, в народных филармониях и театрах — пример высокой коммунистической сознательности.

В Казахстане запевалами славных дел стали актюбинцы. Они накопили известный опыт. Но есть у них и трудности, есть нерешенные вопросы. Обо всем этом шел разговор на областном совещании общественников культуры. Центральный Комитет КП Казахстана одобрил обращение участников совещания к культработникам, интеллигенции, комсомольцам и молодежи республики. Партийным, советским, профсоюзным и комсомольским организациям предложено организовать обсуждение обращения, выработать и осуществить меры по улучшению работы учреждений культуры и развитию общественных начал в их деятельности.

Сегодня мы рассказываем об опыте актюбинских энтузиастов.

На общественных началах

ЖИЗНЬЮ РОЖДЕННОЕ

По примеру нештатного отдела культуры при Актюбинском горсовете во всех районах области сейчас работают общественные инспектора. Они помогают отделам культуры во всех начинаниях, деятельно участвуют в практических делах. В Новороссийском, Карабутакском, Джурунском, Хобдинском районах открылись народные библиотеки — их теперь тридцать три в области, и общий книжный фонд приближается к 20 тысячам томов.

В городских и сельских клубах, домах и дворцах культуры созданы советы, объединяющие тысячи активистов. По их инициативе проходят лекции и диспуты, читательские конференции, тематические вечера и встречи с передовиками производства.

Два года назад колхозники сельхозартели «Кызыл-Ту» Чилкарского района открыли свой клуб. Общественный совет возглавила учительница Малеева. Народный клуб быстро завоевал всеобщее уважение. Людей привлекают умело организуемые лекции и доклады, интересные вечера отдыха, хорошие концерты самодеятельности. Клубный актив часто выезжает на животноводческие фермы, выступает перед чабанами и доярками.

Народные театры при доме культуры железнодорожников и при клубе химкомбината имени С. М. Кирова работают над пьесами А. Н. Островского, А. П. Чехова, готовят лучшие произведения современных русских и казахских драматургов. Тысячи рабочих, служащих, студентов с нетерпением ждут и горячо, доброжелательно обсуждают каждый спектакль.

Представители интеллигенции — учителя, агрономы, врачи, ученые, музыканты, литераторы безвозмездно проводят занятия в тридцати двух народных университетах культуры области. Но, к сожалению, учебные планы университетов не всегда верно разрабатываются. Темы многих лекций обращены в далекое прошлое, не связаны с задачами коммунистического строительства, с проблемами развития советской науки, техники, культуры. Облсовпроф, органы культуры и Общество по распространению политических и научных знаний еще не научились координировать свою помощь народным университетам. Ведомственный подход и разобщенность тормозят дело.

Общественные начала развиваются и в кинообслуживании населения. Растет число кинолекториев, межведомственных общественных советов по кино, советов киномехаников, любительских киностудий, киноустановок без контролера и т. д.

При областном комитете радио и телевидения создано пятнадцать нештатных отделов и редакций, сто двадцать общественников готовят циклы передач и журналов: «Комсомольский огонек», «Здоровье», «Будьте знакомы!», «Радиоуниверситет сельскохозяйственных знаний». В районных центрах, рабочих поселках и селениях сто двадцать редакций местного радиовещания работают на общественных началах.

Наша страна вступила в период завершения культурной революции. И для решения этой важнейшей задачи, определенной Программой КПСС, необходимо полностью использовать могучую энергию широких народных масс.

Х. БЕКТУРГАНОВ,
первый секретарь Актюбинского обкома партии.

★ ★
ЛЮДИ СМЕЛОГО ПОИСКА

Под белой пеленой снега широкая и прямая Гарнизонная улица кажется празднично убранной, нарядной. А ведь совсем недавно здесь и в помине не было ни деревьев, ни электрической линии...

В 1960 году депутат Актюбинского горсовета П. Тхоренко, читая своим избирателям лекцию о 40-летии Казахстана, предложил отметить праздник конкретными делами. Жители Гарнизонной собственными силами привели в порядок запущенную улицу — посадили у домов деревья, разбили цветочные клумбы, провели свет.

Потом Тхоренко, к которому избиратели часто обращались с вопросами юридического характера, привел к ним доктора-специалиста. А немного погодя состоялись встречи жителей квартала с врачами, инженерами, искусствоведами. Опыт оказался удачным и натолкнул на мысль о создании нештатного отдела культуры при горисполкоме. Возглавил его Петр Иванович Тхоренко.

Общественники внесли на рассмотрение сессии горсовета вопрос «О состоянии и задачах культурно-просветительной работы в городе». Почти все пункты решения, принятого тогда, уже выполнены: музыкальная школа получила благоустроенное помещение, открылся широкоэкранный кинотеатр на 600 мест, надстраивается второй этаж в здании областной библиотеки.

Новые формы культурного обслуживания трудящихся прочно входят в жизнь. Работают двадцать два постоянно действующих квартальных лектория, открылась городская народная библиотека; заслуженный библиотекарь Казахской ССР А. Кожухова и ее друзья собрали тысячи книг. Растет число квартальных библиотек на общественных началах.

С. Кукуруза — известный в Казахстане художник — подарил городу несколько своих произведений. Вместе с другими членами архитектурно-художественной секции он готовится к открытию картинной галереи на общественных началах.

А хормейстер Дома культуры Г. Несветайлов постоянно выступает со своим вокальным ансамблем в квартальных лекториях и на предприятиях города.

Много нового внесла в культурную жизнь Актюбинска деятельность нештатного отдела. В отчетах обычно говорят о зримых ее результатах — о количестве прочитанных лекций, о числе книг, переданных в общее пользование, и т. п. Все это, конечно, важно. Но, думается, еще более важен иной итог — формируются новые отношения между людьми, приближающие наш завтрашний, коммунистический день.

Предложения, замыслы, наметки... Их много сегодня и еще больше будет завтра. Потому, что жизнь неудержимо идет вперед. Потому, что богаче становится духовный мир советского человека.

Б. ШАХОВИЧ,
соб. корр. «Советской культуры».

По барнаульскому телевидению выступает молодая певица, студентка ГИТИСа Лариса Голубкина. Недавно она с успехом дебютировала в кино — в фильме «Гусарская баллада» в роли Шуры Азаровой.
Фото П. ВИЛЕНКИНА.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КАРАБУТАК

Тридцать лет прожил я в крупных городах. В моем трудовом списке — театры и оркестры, музыкальные учебные заведения. Многие мои питомцы пришли в большое искусство.

С 1959 года родным для меня стало отдаленное село Актюбинской области Карабутак. В большом районном центре плохо было поставлено музыкальное воспитание детей. В двух средних школах велись уроки пения, но этим занимались не специалисты, а случайные люди. О развитии музыкальных способностей одаренных детей и говорить было нечего.

А почему не иметь здесь музыкальную школу? В отделе народного образования мне ответили: средств нет. А они и не требуются — ведь можно открыть школу на общественных началах! Мое предложение было одобрено.

Народная школа быстро завоевала признание. На второй год поступило более 50 заявлений. Мне пришлось выслушать много горьких упреков от родителей, чьи ребятишки получили отказ. Но отбор есть отбор. К тому же, помимо музыкальных способностей, учитывались и общие успехи ученика.

Сейчас мои юные друзья уверенно играют на музыкальных инструментах. От простых произведений они переходят к сложным. В скором времени в нашем классе зазвучат бессмертные творения Глинки, Чайковского, Шопена.

Жители Карабутака просят открыть отделение фортепьяно. Общественность должна нам помочь: необходимо помещение и пианино. А за остальным, как говорится, дело не станет.

Т. БИТИМБАЕВ,
руководитель сельской музыкальной школы на общественных началах.

НАША, НАРОДНАЯ...

Наша народная библиотека основана в прошлом году. Времени прошло немного, но уже сейчас видно, как утвердился в жизни новый очаг культуры. Об этом свидетельствуют хотя бы книжный фонд библиотеки в пять тысяч томов и число читателей, выросшее до тысячи человек.

Район, который мы обслуживаем, объединяет шесть кварталов. Наши активисты постарались познакомиться со всеми жителями, узнать их интересы и запросы.

Библиотека открыта четыре дня в неделю по четыре часа. Вместе со взрослыми на выдаче литературы работают школьники.

Наши общественники с помощью библиотечного кружка школы № 13 создали «книжкину больницу». Юные «врачи» благополучно «вылечили» уже 250 книг.

Известно, что душа любого деда — люди. А люди у нас подобрались хорошие. По доброй воле, от чистого сердца, безвозмездно и бескорыстно трудятся они без единого пропуска и опоздания.

Наши активисты не имеют специальной библиотечной подготовки, и я проводила с ними индивидуальные занятия. По моему убеждению, каждая общественная библиотека должна стать филиалом той государственной или профсоюзной библиотеки, в микрорайоне которой она находится. Кроме того, при областной библиотеке целесообразно открыть годичные курсы для общественников.

А. КОЖУХОВА,
заведующая городской народной библиотекой.

МУЗЫ ПОСЕЛИЛИСЬ В ОБЩЕЖИТИИ

С давней поры я, питаю любовь к музыке и поэзии. И бывает больно видеть, что иногда в нашем городе на концертах классической музыки залы наполовину пусты. В то же время молодежь толпится на танцплощадках с их неизменными «фокстами» и «блюзами». А чего только не слышал я, бывая в рабочих общежитиях — от старых слезливых романсов до заграных зарубежных грампластинок низкопробного пошиба! Наконец, созрело решение вступить в борьбу с художественной безвкусицей, пойти со своими знакомыми к людям. Неплохая коллекция грампластинок, собранная за долгие годы, перестала быть моим личным достоянием, я передал ее в общежитие треста «Актюбстрой». Друзьями и спутниками молодых строителей сделались и мои книги по искусству.

Есть у нас и трудности. Мало нужных грамзаписей. В Москве, Новосибирске, Перми, Ростове от любителей принимают заказы на грампластинки. А вот в Казахстане этого пока нет. Пора бы и нашей республике перенять хороший опыт этих городов.

К. ДЕРКАЧЕНКО,
инженер.

КАК ПИСАТЬ РЕЦЕНЗИИ?

Об этом много говорится и в солидных научных трудах, и в фельетонах.

Мы не собираемся писать ни того, ни другого. Просто хотим сделать достоянием широкого круга читателей опыт рецензента «Гомельской правды» З. Зайцевой.

В номере «Гомельской правды» от 13 октября 1962 года в статье З. Зайцевой «Ленинградский проспект», посвященной спектаклю Гомельского драматического театра, читаем.

«Ідзе вельмі напружаная размова. Забродзін зразумеў, нарэшце, што тоіцца за маскай Сямёна Сямёнавіча, друга дома, наставніка малодшага сына. Размова прамая, адкрытая і вельмі цяжкая для Забродзіна і яго жоны: Клаўдзіі Пятроўны. Яны сутыкнуліся з самым для сябе страшным у жыцці — з ліпкай, лазучай непраўдай, якая шукае асабістых выгад (нічым не грэбуе у гэтым імкненні».

Пользуясь тем, что есть «перевод», приведем еще один «оригинальный» абзац:

«Гомельская правда» — З. Зайцева:

...«Або сцэна апошняга дзеяння. Клаўдзія Пятроўна памёрла. Стары ніяк не можа справіцца с гэтай бядой. І жадаючы вывесці бацьку любімага чалавека з душэўнага здранцвення, Маша гаворыцы: «Дзядзя Вася... у нас грошы кончыліся». Забродзін раптам бурчатліва, дакладна з той жа інтанацыяй, як у першай дзеі жоны, адказвае: «Не напасешся на вас. Што ж мне, красці ісці...» лезе у кішэню і дакладна тым жа — такім прывычным за усё жыццё — рухам адлічвае спачатку тры паперні, потым, падумаўшы, дадае чацвёртую. Маша — Панфілава бярэ грошы і кладзе іх у кішэню гэтан жа, як гэта рабіла цёця Клава».

«Театр» — Н. Смолянская:

«И вот сцена последнего действия. Клавдия Петровна умерла. Старик никак не может справиться с этой непостижимой бедой. Входит Маша — жена Бориса. И говорит: «Дядя Вася... у нас деньги кончились»... Забродин вдруг ворчливо, точно с той же интонацией, как в первом действии жена, отвечает: «Не напасешься на вас. Что ж мне, воровать идти...» — лезет в карман и точно тем же — таким привычным за всю жизнь — движением отсчитывает сначала три бумажки, потом, подумав, добавляет четвертую. Маша берет деньги и кладет их в карман так же, как это делала тетя Клава».

Естественно, возникает вопрос — кто кого переводил? Судите сами: журнал «Театр» подписан к печати 15 мая 1962 года, газета с рецензией З. Зайцевой вышла 13 октября 1962 года.

ГОМЕЛЬ.

Д. РОДИНСКИЙ, Ф. КУРАС.

ПЛЕНУМ ВЦСПС ЗАКОНЧИЛ СВОЮ РАБОТУ

Вчера на заключительном заседании пленума ВЦСПС был рассмотрен вопрос о созыве очередного, XIII съезда профсоюзов СССР.

Пленум постановил созвать очередной, XIII съезд профессиональных союзов СССР 28 октября 1963 года в городе Москве. Утверждена следующая повестка дня съезда:

1. Отчет о работе ВЦСПС и задачи профсоюзов СССР в период развернутого строительства коммунистического общества.
2. Отчетный доклад ревизионной комиссии.
3. Об изменениях в уставе профессиональных союзов СССР.
4. Выборы ВЦСПС и ревизионной комиссии.

(ТАСС).

Ответы и отклики

«Благодушие и беспринципность»

6 сентября 1962 года в нашей газете была опубликована под таким заголовком статья К. Новоселовой, в которой подвергалась критике работа Самаркандского отделения Союза художников Узбекистана. Редакция получила ответы правления Союза художников и дирекции Художественного фонда Узбекской ССР.

Правление союза и дирекция Художественного фонда обсудили статью вместе с коллективом художников Самарканда. Считая появление ее своевременным и полезным, правление союза приняло ряд мер по устранению отмеченных в статье недостатков.

Пленум Художественного фонда УзССР рассмотрел вопросы об улучшении оформления городов республики и качества художественной продукции мастерских фонда.

Приняты меры к улучшению деятельности производственно-художественных мастерских Самаркандского отделения Худфонда. Н. Шаниева, о беспринципном поведении которой говорилось в статье, снята с работы. В Самаркандском отделении СХ Узбекистана председателем художественного совета утверждён художник Г. Улыко.

Создана комиссия, которой поручено ознакомиться с работой Самаркандского отделения.

В статье также говорилось о неудовлетворительном состоянии воспитательной работы с молодыми художниками в Самаркандском отделении союза.

Редакция ожидает, что правление СХ Узбекистана совместно с коллективом самаркандских художников предпримет серьезные меры для активизации деятельности отделения и улучшения воспитательной работы среди творческой молодежи.

Министерство отвечает на письмо читателя

Читатель В. Черняшин в своем письме в редакцию оспаривал правомерность решения Министерства культуры Украинской ССР о переводе Харьковского культурно-просветительного училища в Гадяч Полтавской области.

Как сообщила редакции начальник управления учебных заведений министерства А. Сокальский, доводы читателя В. Черкашина правильны: в городе, где нет театров, филармоний, музеев, дворцов культуры и др., действительно трудно готовить высококвалифицированных сельских культработников. Как только областные организации предоставят соответствующее помещение, Министерство культуры Украины вновь откроет в Харькове культурно-просветительное училище.

НЕ ПО ВКУСУ ЯИЧКО...

«Яичко натощак» — так назвала свою статью о ташкентских парках Т. Хлопянинина, напечатанную в «Советской культуре» 18 сентября. Руководители управления культуры Ташгорисполкома и впрямь уподобили ее неожиданно найденному яичку: смотрели на свет, прикидывали на руке вес, крутили в разные стороны на канцелярском столе. На это дело ушло у них около трех месяцев. Наконец составили ответ в редакцию, из которого можно заключить, что в общем-то не по вкусу пришлось им яичко...

Немотивая вариация на эту тему выглядит так: «Т. Хлопянинина, сказав скороговорки «Парки Ташкента — хорошие, ими город может гордиться», и сожалению, не раскрыла этой фразы...».

«Обидным показался фельетон (?) и неуважительный заголовок статьи, пренебрежительный тон ее. А ведь в парках Ташкента трудятся энтузиасты...».

Уважаемые энтузиасты, придется напомнить вам, что речь идет о критическом выступлении газеты. А в этом случае полагается отвечать на критику по существу. Отвечать быстро и, главное, сообщать о мерах, предпринимаемых для искоренения недостатков. Из вашего ответа, однако, явствует, что никаких перемен в парках Ташкента не ожидается.

В заключение сообщим, что ответ в редакцию собиралась подписать начальник управления культуры Ташгорисполкома тов. Донская. Но то ли за ее отсутствием, то ли большой занятостью, подписал его-то другой неразборчивым почерком.

27 декабря 1962 г.
2 стр.
Советская культура

КОГДА ШТУРМ НЕ ПРИНОСИТ ПОБЕДЫ

Редакция получает много писем от полиграфистов с жалобами на низкое качество плоскопечатных машин, изготовляемых на ейском заводе «Молот». По нашей просьбе в Ейск вместе с корреспондентом «Советской культуры» приехали представители полиграфистов — начальник печатного цеха ростовской областной типографии В. Новгородский и главный механик краснодарской типолитографии Н. Почупец. Встретившись с машиностроителями, они высказали им свои претензии и выслушали их объяснения. Об этой встрече и рассказывает наш корреспондент.

Сейчас мы увидим чудо рождения печатной машины, безукоризненно точной, непостижимо прозорливой машины-ювелира, превращающей белую бумагу в миллионы книжных страниц...

На участке узловой сборки тихо.

— У вас, кажется, заминка?

— Небольшая. Пресс отказал. Бригадир унес чинить.

Рабочие засмеялись. Нас явно разыгрывали: унести тяжелый станок не смогла бы и вся бригада. Посмеявшись, объяснили:

— Нет у нас никакого пресса. Молотом орудуем. Сломалась рукоять, вот и шутим: «пресс» отказал. Шутка-то невеселая: сажаем из-под молота шестерню на главный вал. Месяц она покрутится и начнет болтаться — всю регулировку машины расстроит.

Так неожиданно славный символ индустриального труда, давший имя ейскому заводу «Молот», обернулся в его цехах горькой иронией. Рукоять заменили. Чудо рождения машины-ювелира на наших глазах вершилось кувалдой.

— Теперь ясно, отчего мы в типографии мучаемся...

В. Новгородский был на заводе впервые и такого, конечно, не ожидал.

Н. Почупец в Ейске не новичок. Он вынес короткий приговор:

— С «Молота» машин не возьму. Зачем рисковать?

Да, это так. В понятие опытный полиграфист они включали и горький опыт работы на ейских «плоскопечатках». **Машины с маркой «Молота» есть в каждой типографии, их удельный вес в общей мощности печатного парка страны весьма значителен. Тем неприятнее, что нет у них соперников и в дурной славе. За последние годы завод настолько подорвал свою репутацию, что каждую новую модель, им освоенную, в типографиях встречают с холодным недоверием.**

Толстые папки в отделе технического контроля хранят неприятные документы: тревожные телеграммы и письма заказчиков, двухсторонние дефекционные акты. Семнадцать серьезных рекламаций за один только этот год, десятки жалоб на «мелкие» неполадки.

Особенно много рекламаций на машины, выпущенные в последней декаде каждого месяца.

Что это? Плоды штурмовщины?

Полноценность техники определяется двояко: совершенством конструкции и высоким качеством изготовления. «Плоскопечатки» «Молота» не выдерживают критики ни с той, ни с другой точки зрения. Машины последних марок, ныне изготовляемые в Ейске (ПС-5, ПД-5, ПС-А2), лучше тех, что выпускались тут пять-шесть лет назад (МП-2, ДСП, АПМ), но и новейшие модели не свободны от серьезных конструктивных недостатков. Что же касается качества изготовления, то оно настолько низко, что способно свести на нет достоинства самой совершенной конструкции.

Приехавшие со мной полиграфисты предъявили заводу серьезный счет. Собравшимся в кабинете директора командирам производства, представителям общественности они рассказали...

Но лучше предоставим слово им самим. А заодно послушаем, что скажут руководители предприятия и рабочие.

В. Новгородский. Повышения производительности труда добиться на ваших машинах невозможно. Их проектная мощность — фикция. Работают они только на средних скоростях. Если же пустить машину на полные обороты, через месяц ее можно выбрасывать: катастрофически быстро изнашиваются детали. Приходится искусственно занижать мощность машины.

Директор завода В. Шлыков. Но ведь даже у «Волги» максимальная скорость 140 километров в час, а ездят на 60!

Главный конструктор И. Савин. У нас не было оборудования для термической обработки деталей. Сейчас такую обработку внедряем... А вообще-то ведь, какую бы деталь мы ни поставили, она будет изнашиваться. К тому же, я знаю, плохо вы, полиграфисты, ухаживаете за машинами!

Эти реплики вряд ли нуждаются в комментариях. Но мы вынуждены их дополнить. Термическая обработка деталей — важнейшее требование технологии. Игнорировать его — значит заведомо обрекать машину на преждевременный износ. А на заводе в одну печь суют детали, требующие совершенно различных режимов закалки, причем температуру меряют на глазок. Самые ответственные, тяжелонагруженные части машины (станины, эксцентрики) термической обработке вообще не подвергаются. Во всей стране, пожалуй, не найти завода с такой низкой культурой термического хозяйства, как здесь.

Н. Почупец. На «Молоте», очевидно, забыли, что и в типографиях есть техника безопасности: машины ваши буквально кусаются. Любая, даже простейшая операция, требующая доступа к внутренним узлам, всегда связана с риском. Полез туда — получил больничный лист: ладонь торчат заусенцы, острые кромки. Как вышло литье на формы, так его, не обработав, и поставили в машину. А ведь она наполовину состоит из литых частей!

Директор завода В. Шлыков. Верно, литейный цех у нас очень слабый. Но реконструировать его мы не можем: нужны дополнительные производственные площади, а санитарно-эпидемиологическая станция города категорически запрещает расширять литейку.

Литейщик В. Паникоровский. Хоть бы порядок в цехе навели! Обрубку литья мы ведем под открытым небом, в грязи, под дождем. Чтобы отогреть отливки, таскаем горячую воду в ведрах. Разве можно в таких условиях обойтись без брака? Сколько лет уже просим директора: сделайте хоть бы навес!

Взято на контроль

Мы побывали в литейном цехе. Он действительно допотопный. Работают здесь не то что вручную, но даже... ногами! Из-за отсутствия элементарного оборудования (сушильных печей, дробеструйных установок) грубейшим образом нарушается технология. Продукция цеха (вся целиком!) не отвечает требованиям ГОСТа. Для нее на заводе установлено даже негласное название: «исправимый брак».

Старший технолог Н. Христенко. О дальнейшей судьбе литейного цеха мы ничего не знаем. Даже в бывшем Краснодарском совнархозе нам по этому поводу ничего не могли сказать.

«Совнархоз не знает, а мы и подавно» — вот позиция руководителей завода. А ведь брак из литейки начал поступать не вчера. Чего ждут на заводе? Почему не бьют тревогу?

В. Новгородский. В нашу типографию приходит много писем. Читатели возмущаются, что в брошюрах и книгах, которые мы выпускаем, попадаются пустые листы. Но мы расплачиваемся за чужие грехи. Жаль, что эти письма не доходят до вас, истинных виновников брака.

Главный конструктор И. Савин. Мы разработали специальное устройство с фотоэлементом. Если пойдет сразу два листа, оно даст сигнал. Можем для вас изготовить такое, если хотите.

А что делать остальным типографиям? Ведь с неуклюжим самонакладом выпущена уже не одна сотня машин! И не лучше ли усовершенствовать самый механизм самонаклада, чем прилаживать электронику для контроля за собственными грехами?

Н. Почупец. У нас во многих районных типографиях стоят машины ДСП производства 1958—1959 годов. Действуют из рук вон плохо, неудобны в обслуживании. Некоторые, проработав месяц-два, совсем остановились. К счастью, завод снял их с производства, но что нам с ними делать? Машины еще новые, больших денег стоят. Неужели списывать? Завод должен модернизировать их на месте, в типографиях, заменив некоторые узлы более совершенными. Это гораздо разумнее, чем отправлять новую технику в металлолом.

А ведь это касается не только Краснодарского края! В типографиях страны ейских машин: недавно сняты с производства, пока гораздо больше, чем новых!

Главный инженер А. Шкиановский. Мы заменяем узлы только по специальному требованию типографии, так как в постоянной номенклатуре заводской продукции не предусмотрено их изготовление. То, что вы предлагаете, можно осуществить только централизованно, через Главиздат.

Надеемся, что в Главиздате РСФСР об этом подумают. Но не следовало ли заводу давно уже выступить с таким предложением? Груз прошлого не давит на его плечи. Зато он тяжело лег на спину полиграфистов, на спину государства.

Н. Почупец. Слыханое ли дело, чтобы деталь приходилось заменять... человеком? Между тем мы вынуждены так поступать. Машину ПС-5, кроме печатника, обслуживает подсобный рабочий. Он из нее руками вытягивает листы, так как в конструкции машины не предусмотрено сталкивающее устройство.

Главный инженер А. Шкиановский. Верно! Такие замечания уже были. Очевидно, внесем изменения в конструкцию.

Когда? Ведь машина марки ПС-5 выпускается уже третий год! Изменение в конструкции уже было предусмотрено в плане организационно-технических мероприятий завода на 1962 год. План не выполнен и наполовину.

Н. Почупец. Чем объяснить, что в нашей типографии совсем еще новая машина давит наборную форму? Во время испытаний такой дефект нельзя было не заметить.

Слесарь-сборщик Н. Литвиненко. На обкатке части машины может работать нормально, но пройдет какое-то время, и металл деформируется. У вас, вероятно, так и случилось.

Деформации подвержены важнейшие части машины — станина, талер, печатный цилиндр. Это снова результат грубейшего нарушения технологии, когда на сборку поступает «сырая» деталь, не прошедшая так называемой нормализации. Испытание машины в результате превращено в чистейшую формальность!

Кажется, довольно. Здесь приведены только шесть из двадцати пяти серьезнейших замечаний, которые сделали товарищи Новгородский и Почупец. Чтобы изложить их претензии досконально, не хватит целой газетной страницы.

Руководители завода отнеслись к этим претензиям более чем странно. Они слушали полиграфистов со скучающим видом, с поглядываниями на часы, сопровождая почти каждое замечание однообразным рефреном: «уже знаем», «меры принимаем», «исправляем». Из всех присутствующих достойную позицию занял только начальник ОТК Н. Кучурин, который откровенно признался:

— Знать-то мы знаем, да только мало что делаем!

Зато самое настоящее беспокойство, даже тревогу мы ощутили в цехах. Людям, в чьих руках рождаются печатные машины с маркой «Молота», больно и стыдно за свою поруганную рабочую честь.

Сборщики бригады В. Мрачко выступили с почином, как нельзя более важным именно на этом заводе: сдавать готовые узлы под личную ответственность, без ОТК, с гарантийным паспортом. Так работают сейчас все бригады на узловой и одна на генеральной сборке. Замечательный почин! Но что из него получилось?

— Мы живем от аврала к авралу, — рассказывал В. Мрачко. — К 15 декабря бригада смогла выполнить только четверть месячного плана, так как механические участки не дают нам деталей. А в последней декаде пойдет такая гонка, что о качестве некогда будет и думать. И так из месяца в месяц!

Штурмовщина. Настоящая, махровая. Вот что рвет под корень качество ейских машин. Она порождена беспощадностью внутризаводского планирования, никуда не годной организацией труда.

Грубейшие нарушения технологии, о которых говорилось выше, стали на заводе чем-то вроде неписаной нормы. От цеха к цеху, от участка к участку, в самом процессе производства накапливается заведомая неполноценность будущих машин. Так продолжается уже много лет.

Против брака, против выпуска отсталой, негодной техники резко выступил на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев. Все решения Пленума направлены на то, чтобы ускорить технический прогресс, улучшить качество продукции. Со дня закрытия Пленума прошел уже месяц, вся страна живет духом его смелых, новаторских решений. А на «Молоте» все идет по-старому.

Новый Северо-Кавказский совнархоз должен оказать заводу немедленную и серьезную помощь: решить вопрос о руководителях завода, сделавших показуху методом своей работы, выделить недостающее оборудование, передать специализированным предприятиям изготовление инструмента, метизов и литья, расширив за счет этого производственные площади завода, жесткой метлой вымести с предприятия авралы и штурмовщину.

Н. ВАЙНОНЕН,
спец. корр. «Советской культуры».
ЕЙСК — МОСКВА.

Творить для народа, во имя коммунизма

ЧУТКАЯ СОВЕСТЬ ХУДОЖНИКА

Жан ГРИВА

Наш корреспондент О. Иванов попросил поделиться своими впечатлениями о встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства известного латышского писателя и драматурга Жана ГРИВУ. Вот что он сказал.

— МОИ коллеги литераторы, друзья художники говорят, что завидуют мне: я присутствовал на знаменательной встрече руководителей партии и правительства с представителями творческой интеллигенции страны. В выступлении Н. С. Хрущева, в речи Л. Ф. Ильичева, в выступлениях участников этого совещания были подняты животрепещущие проблемы развития современного искусства.

Каждый из участников встречи на Ленинских горах стремится глубоко осмыслить важность этого события, извлечь из сказанного уроки и для себя, и для товарищей. Я, конечно, никого не удивлю, если скажу, что встреча и беседа показались мне необычайно важными. Они сыграют огромную роль в окончательной консолидации всех сил нашей культуры в единый, целеустремленный, подвижной боевой отряд. Партия указала нам и противника — чудовищную рептилию формализма и абстракционизма. Ее безобразие, столь явное для большинства, показалось кое-кому из молодежи привлекательным...

В лагерь абстракционизма ведут разные пути. Один из них (может быть, наиболее протоптанный) — мальчишеский соблазн «изысканности» среди узкого круга «знатоков». Мне вспоминаются острейшие слова А. В. Луначарского, адресованные любителям очередного формалистического откровения: «...Вы рисуете тело, столь напоминающее затасканную куклу из дерева, и снабжаете его огромной, яйцевидной головой с приблизительно человеческими чертами и большими буркалами и подписываете что-нибудь вроде «Вечность» или «Задумчивость». Конечно, многие вытаращатся, но найдутся утонченные ослы, которые, уставясь в землю лбом, скажут: «Тут что-то все-таки есть».

«ТУТ ЧТО-ТО ВСЕ-ТАКИ ЕСТЬ» — эта спасительная для различных «измов» фраза «вывела в люди» множество шарлатанов-живописцев и их сторонников. Радостно сознавать, что в особо близкой мне области — в драматургии, в кино абстракционизм потерпел полное фиаско. Вспоминаются попытки шведа Эггелинга и немца Рихтера создать «чистое кино». Двигающиеся на экране линии и плоскости никого не увлекли. «Утонченные» ослы не сумели одолеть отвращение массового зрителя. Отец абстракционизма Кандинский блистательно провалил свою же идею стерильного «абсолютного театра». В его постановке актеры произносили лишенные смысла слова, сопровождая их загадочными движениями и жестами. Номер, как говорится, не прошел.

Гибель абстракционизма сильнее всего поразила современную живопись. Я не специалист в этой области и все же мне хотелось рассказать о том впечатлении, что оставили по себе шедевры беспредметных художников самых различных национальностей, собранные в известной лондонской галерее Тейта. Этот музей мне удалось осмотреть во время недавнего посещения Англии.

Большинство посетителей галереи обходит порождения крайних формалистов, как обходят камень или лужу на дороге. Сюда приходят любоваться дивными скульптурами Родена, классически ясными пропорциями нимф Майоля, полотнами Ренуара, Моне, Дега. Я же не сумел «абстрагироваться» от вызывающего безобразия «произведений» Ришье. Судя по сведениям, сообщаемым о нем в каталоге, это известный художник, он учился у Бурделя, выставлялся на «Биеннале». Его лондонская скульптура названа «Вода». Отдаленно это изделие из бронзы напоминает сидящую человеческую фигуру без головы. К шее приделано подобие ручек. Конечности чудовища непомерно тонки по сравнению с туловищем, нарочито грубы по фактуре.

В другом конце зала творение Габо «Линеарная конструкция», далее — опусы французского скульптора Консагра. Ошарашенный, я попросил служителя музея объяснить, какое отношение к скульптуре имеют эти раритеты.

— Кто его знает, мистер.

Вот и все, что я услышал.

Отдел живописи музея «украшают» чудовищные, как бред параноика, произведения Чирико, Клее, Кандинского, Аппеля, Рюпелля. Невозможно сколько-нибудь точно описать страшных уродов Чирико или бессмысленное переплетение линий, пятен, непонятных элементов на полотнах других. Впрочем, все то, что я говорю, закоренелые абстракционисты почти наверняка способны принять как комплимент, ведь их цель — в отрицании объективно понятного всем изобразительного искусства.

Есть в галерее Тейта картина бельгийца Дельво «Смерть Венеры». Живописец создал ее в трагическом для Европы 1944 году. От зрителя к спящей Венере двигается скелет. Он тянется костлявой рукой к ложу богини, его не может остановить протестующий жест нимфы. Я не буду вдаваться в анализ художественных достоинств полотна, оно остается в моей памяти символом удушения красоты, искусства, бездушным скелетом крайнего формализма.

АБСТРАКЦИОНИЗМ противен самой природе искусства. Он сознательно ставит себе задачу разобщения людей. Это, с позволения сказать, «направление» противоречит сущности нашего строя, он абсурден в нашей советской действительности. И тем не менее мы вынуждены сейчас искоренять его. Я полагаю, что большую ответственность за его появление у нас несут художественные институты, Академия художеств СССР... Даже неспециалистам заметна слабая связь теоретических и практических дисциплин в художественных учебных заведениях, недостатки в постановке воспитательной работы. Каждая творческая мастерская должна стать тем горнилом, где куются гражданское, мировоззрение художника, оттачивается не только его живописное или графическое мастерство, но и социальное чутье. Наверное, следует перестроить преподавание истории советского изобразительного искусства с тем, чтобы больше внимания уделить критике той «детской болезни левизны», которой переболели наши живописцы, скульпторы, графики в первые послереволюционные годы. Творческое банкротство Малевича, Татлина, Филонова, Древина представляет собой убедительнейшую демонстрацию неприятия формалистического направления. Столь же предметным уроком для молодых является отход от формализма некоторых известных живописцев Латвии, успешно овладевших после 1940 года методом социалистического реализма.

ТОНКИЙ КРИТИК искусства Дидро высказал пожелание, «чтобы угрызение совести было воплощено в символ, а этот последний находился в мастерской каждого живописца». Я согласен с Дидро в том случае, если эти угрызения напомнят живописцам об их великом долге перед народом, ожидающим от них произведений жизнерадостных, воспевающих величие и красоту советского человека, грандиозный размах его дел и свершений.

РИГА.

МУЗЫКА ВОКРУГ НАС

МУЗЫКА, под которую мы танцуем, мелодии, которые мы напеваем про себя или вместе с друзьями на отдыхе, на семейных вечерах, на праздничных демонстрациях, музыка, которую мы слышим по радио в часы развлекательных передач, — эта музыка, как и любое другое искусство, формирует характер человека, прививает ему определенное мироощущение, а значит, пропагандирует определенную идеологию.

Всегда ли мы достаточно ясно представляем это? Всегда ли обращаем внимание на художественно-эстетические достоинства музыки, звучащей вокруг нас, заполняющей наш повседневный быт, создающей ту интонационную среду, которая подчас незримо, но тем не менее с большой силой формирует наши эстетические вкусы?

Когда заводят речь о массовой бытовой музыке, прежде всего начинают говорить о джазе. И это естественно. Сейчас в середине XX века этот вид музыкального искусства получил очень широкое распространение.

Нередко можно услышать вопрос: а существует ли советский джаз? Этот вопрос не надуман. Начинать следует именно с него, ибо и горячие поклонники джаза, и противники джазовой музыки часто сходятся на одном — они сводят всю область выразительных приемов, связанных с термином джаз, к так называемому импровизационному джазу. Но слово джаз надо понимать не узко-сектантски, а широко, так, как это подсказано самой жизнью. Ибо советский джаз существует. Можно даже приблизительно назвать дату его рождения — она связана с появлением кинофильма «Веселые ребята», с музыкой Дунаевского в исполнении оркестра Утесова. Мелодии, прозвучавшие в этом фильме, до сих пор живут в народной памяти. Эта линия советской музыки нашла свое продолжение и у Дунаевского, и у многих других советских композиторов. К советскому джазу могут быть отнесены многие произведения Соловьева-Седого и композиторской молодежи.

Какой же это джаз? — скажут сторонники импровизационного джаза, считающие, что только импровизация на основе американизированных негритянских интонаций может считаться подлинным джазом.

Существует и другая точка зрения. Ее представители склонны считать, что линия Дунаевского в советской музыке — это линия «западническая» и что именно отсюда все беды нашей легкой музыки.

Вряд ли стоит полемизировать с этими, казалось бы, крайними, а на самом деле точками зрения-близнецами. Джаз — широкое понятие, приобретающее в каждой стране свои специфические черты и оттенки. В век радио и грамзаписей наивно предполагать, что искусство одной страны может отгородиться непроницаемой стеной от музыкальных явлений других стран. Советские песни звучат во всем мире. «Катюша» Блантера стала народной песней итальянских партизан. «Подмосковные вечера» — едва ли не самая популярная эстрадная песня современности. Советские песни послужили образцом для создания нового музыкального быта в странах народной демократии. С другой стороны, использованные в советской легкой музыке инструментальных составов, отдельных ритмов и оркестровых эффектов, сложившихся впервые в зарубежном джазе, не привело к утрате национальной самобытности в нашей музыке массовых жанров.

Взаимопроникновение музыкальных культур является достоянием не только XX века. И в прошлые времена, когда были немыслимы международные фестивали молодежи, многие мелодии и ритмы распространялись во всем мире без виз, минуя таможенные границы. Обычно эти новые музыкальные явления возникали в центрах мировой музыкальной культуры. Так, Вена начала прошлого века явилась родиной вальса, возникшего в результате взаимодействия народных музыкальных культур Австрии, Германии, Чехословакии и Швейцарии. Новая танцевальная музыка вызывала споры отцов и детей. Многим венцам старшего поколения казалось, что под вальсы Штрауса трудно танцевать. Но главное не в этом. В начале того же века возникает история русского вальса, французского вальса, немецкого вальса. У каждого свои приметы. Изящный, пластичный французский вальс отличается от задушевного, полного лиризма русского вальса. А история русского вальса — это не только бытовая музыка, но и классика — от Глинки, через Чайковского и Глазунова до Прокофьева.

Следует ли удивляться, что сегодня одновременно с негритянским джазом существуют свои собственные черты у французского, немецкого, чешского и, наконец, советского джазов? Есть между ними общее, и в каждом из них есть свое характерное. Если бы, как того хотелось некоторым джаз-сектантам, везде все свелось к копированию американского джаза, он навсегда остался бы для других стран чужеземным явлением и не вошел бы так прочно в массовый музыкальный быт.

Существует ли резкая граница между советской джазовой эстрадой и советской массовой песней? Нет. И лучший пример тому — творческая практика оркестра Утесова. Именно в этом оркестре в одной программе звучали и «Матрос Железняк», и «Подушки-поле», и оркестровая фантазия на тему зарубежных кинофильмов с участием Франчески Гааль. Даже отдельные элементы джазовой импровизации использовались в оркестре Утесова. Оркестр Утесова вошел в музыкальную биографию миллионов советских людей. Часто говорят, что Утесов — особое единичное явление и основа его успеха лежит в эстрадном обаянии самого Утесова.

Да, конечно, любой талант, в том числе и эстрадный, всегда является определяющим в искусстве. Но почему же единичное? Недавно в Ленинграде прозвучала новая программа джаз-оркестра Лундстрема. Это интересный, высокопрофессиональный, ищущий коллектив. Программа Лундстрема прошла с большим успехом во дворцах культуры Ленинграда, на многотысячной аудитории студенческой и фабрично-заводской молодежи. Музыка, исполняемая Лундстремом, не рождала в зале нездоровых настроений.

Разнообразие лежит в основе успеха ансамбля «Дружба». Вряд ли можно отрицать наличие элементов современного джаза в гармоническом языке, в ритмах, в особом характере аранжировки, свойственных этому ансамблю. Но при этом «Дружба» ищет собственные пути. В ее программе и «Бухенвальдский набат», и шуточная эстрадная песня. Лучшие номера «Дружбы» отмечены высоким вкусом, музыкальной и режиссерской выдумкой.

К СОЖАЛЕНИЮ, сколь долго ни вести разговор о достижениях нашей легкой музыки, приходится с горечью констатировать, что слабостей и упущений в этой области у нас еще предостаточно.

На вопрос, поставленный в начале статьи, приходится ответить отрицательно. Забывают еще подчас у нас о том, сколь это действенный фактор в формировании эстетических вкусов в массовом музыкальном быте.

Яркий пример тому — различные джазовые ансамбли, стремящиеся подражать крайним формам западного джаза, да и профессионально они большей частью чрезвычайно слабы. И когда эти плохо владеющие инструментами музыканты стараются играть как можно громче и визгливее и прикрывают свою профнепригодность словами о том, что они демонстрируют так называемый «горячий джаз», то здесь сразу же напрашивается аналогия с шарлатанствующими абстракционистами, не владеющими элементарной техникой рисунка.

Да, когда мы говорим об отдельных отрицательных явлениях в советском массовом музыкальном быте, то не без оснований ищем причины этого в области джаза. Но и не только в ней. Разве мало существует эстрадных песенок, не имеющих никакого отношения к джазу и повторяющих с некоторыми вариантами зады псевдоцыганской музыки 20-х годов? Разве та пошлость, которая пропагандируется чуть подсовременненькими наследниками Вадима Козина, менее чужда нам, чем музыка «толстых»? Конечно, нет. Но важно, что народный слух всегда имеет здоровую основу, и не случайно пресловутые «Мишки» имеют мотыльковую жизнь. Народная музыкальная память сохраняет «Марш веселых ребят», «Вечер на рейде», «Если бы парни всей земли» и забывает всю музыкальную накипь. Точно так же обстоит дело и с отдельными подражателями «музыке толстых». По поводу известных горьковских слов Дунаевский писал в одном из писем: «Да! Выд и такой джаз... Но у нас в СССР он никогда не прививался и не имел успеха. Замечательно, что русская народная песенность, склад русского народного слуха преодолевал эти черты джаза». Казалось бы, не так трудно во всем этом разобраться, а путаницы много.

Подчеркнем еще раз — в пропаганде не бывает пустот. Настоящая пропаганда, исключая что-либо, одновременно противопоставляет отрицательному свое, положительное. «Краковяк» не следует противопоставлять «рок-н-роллу». Надо создавать современные танцы и современную музыку для них. Дело не в названии. Пусть это будет русский фокстрот. Дело прежде всего в мелодической основе, в общем тонусе и чувстве меры — оно и здесь является необходимым корректирующим коэффициентом в решении всех этих вопросов.

И еще одно, пожалуй, самое существенное. Критикуя недостатки нашей легкой музыки, мы часто тем и ограничиваемся, забывая о главном — творческой позитивной работе в этой области.

Мало пишут советские композиторы для джазовых коллективов. Конечно, они развивались бы гораздо успешнее, если бы Союз композиторов уделял им всем такое же внимание, какое в свое время он уделил ансамблю «Дружба». Музыковеды же не желают и касаться этой сложной и острой проблемы. Что может прочесть молодой советский человек о джазе в каком-либо из массовых журналов?

ВКЛЮЧАЯ РАДИО, наша молодежь слышит джазовую музыку Гершвина и Эллингтона и современные оркестры, не только американские, но и чешский оркестр Влаха, французский оркестр Леграна и замечает, что оркестры Леграна и Влаха не копируют американские образцы, а обладают своими самобытными чертами. Но затем молодой человек открывает «Огонек», «Юность» или «Смену» и не находит в них ничего ни об истории джаза, ни о его современном развитии. Тогда-то и всплывает на поверхность информация, почерпнутая из крикливых обложек западных грампластинок или из журнала «Америка». Тогда-то и начинают суетиться около джаза трясущиеся мальчики и девочки. И в результате для всякого рода бездельников он приобретает особую привлекательность. А в данном случае надо отделить здоровое от случайного, наносного и легендам о джазе противопоставить правду о джазе, рассказав в популярной форме о его рождении и развитии. Надо рассказать о том, что это искусство является не только негритянским, что оно включает в себя элементы шотландской, французской, креольской, африканской, испанской народной музыки. Надо рассказать об истории развития этого искусства в США, где уродующая все живое рука капиталистического бизнеса заставила многих представителей джаза приспосабливать свою музыку к запросам «новейшей» моды. Не нужно громыхающих джазов, не нужно «музыки толстых». Эта музыка, если ее и можно так назвать, непримиримо чужда не только нашему советскому искусству, но и всей нашей жизни. Она неприемлема для нас как в виде оригиналов, так и в виде копий, иной раз просачивающихся в репертуары наших эстрадных коллективов. Да и копии-то эти, как правило, бывают еще и очень плохими...

Нужен увлекательный, радостный, нарядный, высокопрофессиональный мелодичный советский джаз, использующий все достойные внимания выразительные приемы хорошей джазовой музыки, и нужны прежде всего постоянные поиски своих путей развития, коренящихся в советской музыкальной современности, имеющей замечательные традиции, связанные с именами Дунаевского, Соловьева-Седого, Хренникова и многих, многих других талантливейших наших композиторов.

Но здесь необходимы тонкий вкус, высокоразвитое чувство эстетически-прекрасного и тем, кто ищет новые пути в музыке, и тем, кто составляет эстрадную программу, редактирует радиопередачи, пишет рецензии. И тогда джаз как разновидность легкой музыки найдет здоровую почву для своего дальнейшего развития.

А. ЧЕРНОВ.

ЛЕНИНГРАД.

НЕ ВИНТИКИ, А ЛЮДИ

ЧЕТЫРЕХ ЧЕЛОВЕК, страдающих разными недугами, свел С. Алешин в своей новой пьесе «Палата», уже идущей с успехом в разных городах страны, а в Москве поставленной Малым театром. Какие, казалось бы, могут здесь возникать конфликты, происходить столкновения, коли люди прикованы к больничным койкам и главным предметом внимания каждого является его болезнь, а основным желанием — желание поскорее выздороветь... Ан нет — и в этой обстановке бурлят страсти, по-разному раскрываются люди. По-разному проявляют себя и с нравственной, и с общественной стороны.

Удаление аппендикса — самая легкая операция. И у высокопоставленного чинуши Прозорова она и в самом деле проходит безболезненно, без каких бы то ни было осложнений. Однако палату Прозоров покидает не только неналечимо больным нравственно, он даже не возымел желания удалить из своего характера злокачественную опухоль эгоизма, равнодушия к людям, хамства, словом, всю ту дрянь, что накопилась в его душе за годы культа личности Сталина.

Трое других остаются в палате. Писатель Новиков только что перенес труднейшую операцию на сердце. Офицеру запаса Гончарову отняли руку — неудаленный в свое время осколок от вражеского снаряда грозил опаснейшими последствиями. Учитель Терехин страдает нестерпимыми болями в ногах — следствие глубокой простуды, полученной много лет назад на фронте. Но все они — и Новиков, и Гончаров, и Терехин — нравственно здоровые люди. Люди, привыкшие уважать друг друга, видеть в человеке человека, мыслящего самостоятельно, свободно и широко, а не винтик — безликий и ко всему равнодушный.

Лежащие здесь в палате люди оторваны на время от нашего летящего вперед дня, от бурно клокочущей действительности. Оторваны, но отнюдь не изолированы и не освобождены от тех испытаний и сложностей, которые им уготавливает жизнь. Единственный человек, до которого не доносятся из-за стен больничной палаты тревоги и огорчения, это все он же, Прозоров. Но не доносится до него и радости, не доходит свет дружеских улыбок. К нему никто не приходит. Никто не приносит ему передач. Он наглухо отгорожен от мира с его страстями и трепетным биением человеческих сердец скорлупой своего непомерно и уродливо гипертрофированного «я». Раздумья Прозорова о сыне — это не более, чем умиление детенышем, вскормленным и воспитанным по образу и подобию своему.

Судьбы остальных обитателей палаты тесно переплетаются с судьбами близких им женщин. У каждого свои тревоги и боли. Непременно тревоги и боли. И непременно своя радость, свое счастье. Терехину жена изменила, и он навсегда порывает с ней. И, конечно, еще не найдет сегодня, сразу же, его душа успокоения — при всей любви к нему учеников, выкрикивающих под окнами больницы его имя. Но это тоже любовь. Любовь взаимная и несущая радость. Взволнован Гончаров: нужен ли он такой, безрукий, жене? И содрогается его сердце от радости и непоруганной веры в человека, в женщину: да, нужен! Пытается отгородиться от любви молодой красивой женщины, Ксении Ивановны, Новиков, боясь надломить, покалечить ее судьбу. И снова торжествуют любовь и человечность!..

Рассматривающая важные процессы и стороны нашей сегодняшней жизни, ратующая за чистоту человеческих отношений, пьеса С. Алешина не свободна и от некоторых художественных недостатков. В ряде сцен автор не столько проникает в глубь явлений действительности, сколько иллюстрирует их. Страдает известной прямолинейностью образ Прозорова, занятого преимущественно саморазоблачением. В жизни подобные типы саморазоблачаться не спешат. Наоборот, они торопятся объявить себя борцами против культа, беря при этом на вооружение методы того самого времени.

Но даже эти недостатки не лишают пьесу ее достоинств, ее общественной значимости. И именно достоинства определяют основное звучание произведения, открывают перед постановочным коллективом интересные творческие возможности.

Л. Варпаховский поставил спектакль светлый, жизнеутверждающий, пронизанный пафосом подлинной гуманности, любви и уважения к людям труда. Если в чем и можно упрекнуть режиссера, равно как и художников постановки Ю. Арнадта и М. Поякова, так это в стремлении к излишней монументальности. Так и кажется, что в слове «палата» виделся им не только этот, данный ему смысл, но и второй, напоминающий если не о дворце, так о хоромах. Вызывает некоторое недоумение образ почерневшего, с подпалинами дерева, стоящего во дворе больницы. Что он выражает, этот образ? Что символизирует? Судьбу Прозорова? Однако ведь и пьеса, и спектакль не только отрицают и осуждают прозоровых, но и в первую очередь утверждают и воспевают духовную красоту и силу таких людей, как Новиков, Гончаров, Терехин...

Едва ли не решающую роль в звучании спектакля получили образы Прозорова и Гончарова, талантливо и мастерски созданные П. Константиновым и В. Дорониным.

Константинову во многом успешно удалось преодолеть прямолинейность драматургического образа. Его Прозоров производит поначалу впечатление человека безобидного и даже приятного, ничем не выделяющегося среди своих товарищей по палате. Но чем дальше, тем все острее и беспощаднее обнажается актером античеловеческая суть его героя, подлость, злобность и лицемерие. Талантливый мастер сцены, что называется, вгоняет в могилу ревнителя «культовых» порядков осиновый кол!

Человеческую крупность и яркость обретает в исполнении Доронина Гончаров. Бурлит, играет в этом мужике жизнь, которую он любит, за которую воевал, которую созидает сегодня. И не умеет он, доронинский Гончаров, вполовину чувствовать, вполовину любить, вполовину ненавидеть. Отзывчивый и добрый, он постепенно становится самым яростным антагонистом Прозорова.

Подобной крупности и яркости, к сожалению, не хватает в спектакле образу Новикова. Не хватает глубины интеллекта, страстности натуры, человеческой значительности. Думаю, что это вина не столько талантливого актера Б. Телегина, сколько постановщика спектакля. Не в возможностях артиста, который в общем-то и мягок, и тактичен, и естественен, эта роль — что поделаешь! Но в возможностях режиссера (и не только в возможностях, а и в первостепенных обязанностях!) подумать и позаботиться о точном выборе актера на центральную роль, об ее полноценном, полнокровном звучании в спектакле.

Среди актерских удач спектакля — и молодой ординатор в тонком и глубоком воплощении В. Коршунова, и старый профессор, сыгранный Ю. Авериным метко, сочно и достоверно, и медсестра Зина, образ которой пронизан в исполнении Л. Пироговой сердечным и мягким юмором.

Трудно в рамках газетной рецензии не только проанализировать, но даже и просто оценить работу всех занятых в спектакле актеров. Если одни, как Г. Куликов (Николай Терехин), Ю. Соломин (Миша Новиков), О. Чуваева (Зина Гончарова), играют не только корректно, но и образно, точно, то другим — Р. Нифонтовой (Ксения Ивановна) и Л. Юдиной (Тамара Терехина) их этой точности, их глубины проникновения в авторский замысел недостает. Главное же, что и первым, и вторым недостает той яркости, которая так покорчет в сценическом образе Гончарова — В. Дорохина.

Все можно принять в спектакле — и условное оформление, и бесконечные повороты круга, и кинокадры, рисующие ход операции. Ничто из этого искусству не противопоказано. Ничто не подлежит запрету. Но важно, чтобы все это было целенаправлено на главное — на раскрытие драматического конфликта пьесы, выражающего наше время, на передачу «жизни человеческого духа», характеров и душевного строя наших современников.

Ибо современность на сцене — и не устану это повторять! — это не наплывы, не кинокадры, не мысли вслух, не один из этих приемов, взятый сам по себе, а современные человеческие характеры. Характеры людей, созидающих новый мир и новые человеческие взаимоотношения. И в этом спектакле главная его мысль, мысль о том, что коммунизм строят люди, обладающие горячими сердцами, движимые беспокойной, постоянно ищущей мыслью, а не бесстрастные, бездушные и безразличные винтики, наиболее сильное, взволнованное и убедительное воплощение находит в образах самих этих людей и прежде всего в обаятельнейшем образе Гончарова.

Юр. ЗУБКОВ.

БЕЛОРУССКАЯ, ОСЕННЯЯ...

В МИНСКЕ, в залах республиканского художественного музея, открылась ежегодная осенняя выставка произведений белорусских художников. Представлено около 500 картин, скульптур, графических листов.

Среди живописных работ приковывают триптих «Незабываемое» Н. Космачева, посвященный Ленину, пейзажи В. Цикрыко, «Девушка у окна» Г. Поплавского, полотна В. Сенцкого, портреты А. Измайловой, З. Павловского, Л. Эрлер, яркая, декоративная «За окном — осень» Ю. Алейника, натюрморт В. Жолтока. К сожалению, в некоторых полотнах чувствуются следы спешки, они страдают неглубоким, иллюстративным отражением темы.

Радует разнообразием сюжетов, мастерством рисунка графики Гомельский художник Е. Покаташкин показал работы и о будних железнодорожной станции, и о стройке, и о людях. Интересную серию «Аэропорт» создал А. Кашкуревич. Зритель обязательно остановится у своеобразных темпер Б. Заборова, передающих «настроение» старого Таллина. Привлекает С. Романов своим «Осенним утром», тонким и взволнованным Г. Лойко — мятежным «Ветреным днем», В. Сидин — «Аллеей», Ю. Пучинский — серией рисунков, А. Последович — графикой, акварелями.

Из скульптурных работ следует отметить портреты, выполненные художниками В. Анисько, А. Азнаевичем, Д. и Л. Роберман.

МИНСК.

РЕПЛИКА

«ПУТЬ... ЧЕРЕЗ ГЛАЗА»

ЕСТЬ У ЖУРНАЛА «Юность» добрая традиция — знакомить своих читателей с новыми работами молодых художников.

Из того, что воспроизводилось на страницах журнала, было немало по-настоящему талантливых произведений, свидетельствующих о том, что здоровая, крепкая смена приходит в наше изобразительное искусство; были и такие, которые едва ли заслуживали широкой популяризации, работы явно подражательные и слабые.

Последний декабрьский номер знакомит с произведениями молодых эстонских живописцев.

Подборке репродукций предпослана статья искусствоведа Б. Бернштейна, статья, которая, нужно прямо сказать, в искаженном свете представляет творчество молодых эстонских художников.

В ней автор глубокомысленно заявляет: «Наглядность — это очень важно, это один из важнейших признаков творчества наших молодых. ...Для них путь к сердцу зрителя лежит через его глаза! Сгусток наблюдений художника, его мысли, чувства должны получить видимое воплощение в линии и объемной форме, в цвете и ритмическом строе. Это нужно усвоить (!), чтобы обрести ключ к пониманию особенностей их живописной речи с ее выразительностью, максимальной содержательностью, наполненностью каждого штриха».

Но нужны ли все эти туманные поучения и призывы «усвоить» особенности творчества молодых, если работы Н. Кормашова, Э. Пыльдроос, Х. Рооде попросту плохи. Небрежность рисунка, нарочитое огрубление формы, чисто формальные колористические искания, за которыми утрачено внимание к человеку, — вот чем отличаются картины Н. Кормашова «Молодежная стройка», Э. Пыльдроос «Каток» и «Девушка с книгой» и др. Неглубокие по замыслу и слабые в художественном отношении, они скорее демонстрируют незрелость творческого мышления художника, чем попытку самостоятельного художественного освоения явлений действительности.

Картины неглубоки и по своей тематике. Б. Бернштейн, видимо, чувствуя это, пишет: «Иные важные пласты жизни не попали в поле зрения молодых художников из-за жесткого самоограничения». Но сказано это между прочим. В целом же Б. Бернштейн активно пропагандирует чрезвычайно слабые, написанные с оглядкой на новейшие западные «измы» произведения, выдавая их за образец, за лучшее, что характеризует творчество молодых.

Упрек следует отнести и к журналу, который в этом случае популяризирует явно не то, что следует.

СПЕКТАКЛЬ О ВОЛОЧАЕВСКИХ ДНЯХ

«ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫМ ВЕРДЕНОМ» назвали белогвардейцы сопку «Июнь — Коранъ», вошедшую в историю под названием Волочаевской.

Новая постановка драматического театра Комсомольска-на-Амуре «Июнь — Коранъ» Н. Рогаля рассказывает о ее героическом штурме частями Народно-революционной армии.

Среди героев спектакля зрители с волнением узнали легендарных полководцев — главнокомандующего В. К. Блюхера и комиссара П. П. Постышева.

Спектакль поставил главный режиссер театра Е. Белов, художник И. Эгерт.

Сцена из спектакля «Июнь — Коранъ». П. П. Постышев — арт. А. Лаврухин, В. К. Блюхер — арт. В. Уменушкин.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
27 декабря 1962 г.
3 стр.

ВОКРУГ СВЕТА

А ТЕПЕРЬ БРЮССЕЛЬ

ОТ НАШЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

МАРК ТВЕН заметил как-то, что в Англии человек становится по-настоящему знаменитым, когда юмористические журналы начинают публиковать карикатуры на него. То же самое происходит во Франции: если одна из парижских театров делает на кого-нибудь пародию, значит, человек по-настоящему знаменит.

Парижский театр «Комеди франсез» показывает спектакль, в котором есть пародия на танцы ансамбля Моисеева. Постановщик спектакля Жан де Пулэн признается, что он заимствовал у Игоря Моисеева и музыку, и хореографию. Этот небольшой отрывок в спектакле пользуется успехом.

Но с еще большим успехом проходили концерты настоящего Ансамбля народного танца СССР. Зал парижского Дворца спорта, где более полутора месяцев выступали советские артисты, каждый день был забит до отказа. С начала гастролей на концертах побывало около 300 тысяч парижан. Ансамбль уже закончил свои гастроли в Париже. Руководитель ансамбля народный артист СССР И. А. Моисеев сказал вашему корреспонденту.

— Наш коллектив доволен результатами парижских гастролей. Мы хорошо работали эти полтора месяца, и нас очень тепло принимали парижане. Надо сказать, что выступление ансамбля в Париже проходило в сложных условиях. Во-первых, это была вторая встреча с парижским зрителем, во-вторых, мы начали свои концерты в конце парижской осени, т. е. когда из города уехали туристы и мы остались наедине с очень требовательной парижской публикой.

Столичные газеты опубликовали много статей, в которых очень высоко оценивались мастерство советских танцоров, уровень хореографии и музыкальное сопровождение. Трудно выделить номера, которые пользовались у парижан наибольшим успехом.

После Парижа артисты Государственного ансамбля народного танца СССР выехали в Брюссель, где дадут шесть концертов. Потом опять Франция: города Бордо, Нант, Тулон и Лиль.

Олег ШИРОКОВ.

МОЛДАВСКАЯ ССР. 125 молодых кубинцев учатся в Дубоссарском сельском профессионально-техническом училище № 2. Через год они получат специальность механизатора широкого профиля и, вернувшись на родину, будут работать трактористами, комбайнерами, механиками.

На снимке: кубинцы Серхио Мехко Рчус, Эстебан Гарсиа и Серхио Мартин исполняют для советских друзей кубинские национальные мелодии.

Фото Е. ДРАПШИНЕРА (ТАСС).

ДВА МИРА—ДВА ИСКУССТВА

ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНЦЕВ

Вновь о советском театре

В НЬЮ-ЙОРКЕ вышла новая книга американского режиссера Норриса Хоутона «Повторная гастроль. Пост-скриптум к московским репетициям». Автор ее пишет о своих впечатлениях от спектаклей в сезоне 1960 года. Это как бы продолжение изданной в 1936 году книги «Московские репетиции», которую Н. Хоутон написал после того, как полгода провел в Москве.

Обе эти работы интересны: они написаны профессионалом, человеком вдумчивым, любящим сцену.

Русский театр покорил американского режиссера своим реализмом не только внешней исторической достоверностью, не только реализмом звуков, света, движений и интонаций. Главное достижение его — психологическая правда, и реалистические детали служат лишь окружением, усиливающим внутреннюю достоверность. Ключ, которым раскрывается психологическая правдивость образов, автор видит в методе Станиславского.

Н. Хоутон посмотрел в Москве около 60 спектаклей, и они убедили его в том, что русский театр «полон жизненной силы и разнообразия, надежд и взволнованности, в московские театральные деятели полны творческой энергии».

Реализм не означает однообразия. В театральных учебных заведениях автор книги увидел, что хотя в основе обучения актерскому мастерству и лежит система Станиславского, но каждая школа несет отпечаток своеобразия того театра, с которым она связана.

Традиционное театральное образование не мешает, а помогает советским актерам и режиссерам искать и находить новые формы воплощения сценических произведений. Восхищением и завистью отмечены строки о московских зрителях, заполняющих театральные залы от первых рядов партера и до верхних ярусов. Как это не похоже на Америку, где «сосцять цены на билеты» в бродвейских коммерческих театрах могут только люди обеспеченные! Как непохожи на Америку восхищение и любовь, окружающие в советском обществе деятелей искусств. «Я думаю, это связано с замечательным русским стремлением к культуре, — пишет Н. Хоутон, — актеров и другой театральный народ у нас привыкли рассматривать как нечистых, живущих обособленно и немного ниже большинства людей, зарабатывающих себе на жизнь более респектабельным способом».

Советские актеры великолепно отдают себя своей работе. «Актерское исполнение — это для них искусство, которому они посвящают себя во имя этого искусства и для служения народу».

А в США? «Успех актера определяется частым появлением его имени на светящихся рекламах Бродвея и количеством его подписей на кино- и телевизионных контрактах. Потому что светящаяся реклама и контракты означают деньги. А в театре, как и везде в американском обществе, деньги означают успех». Нет, не актеров винит Н. Хоутон: «И опять виновата наша система, а не отдельные лица. Наш коммерческий театр смотрит на артистов, как на предмет купли-продажи. Постепенно и актер начинает смотреть на себя так. Актер, а в известной мере и режиссер, драматург и даже продюсер меняются под воздействием коммерческих требований — человек человеку становится волком».

АВТОР КНИГИ признает преимущества репертуара советских театров: «Великое наследие драматургии, достояние всего мира отброшено американцами, как артистами, так и публикой. Что нам может сказать Софокл или Мольер, Бен-Джонсон или Кальдерон, Ибсен или Гоголь? — спрашивают они... Нашим актерам нечем гордиться — они просто добросовестно выполняют свою работу, воплощая привычные, по поверхностные образы, выдуманные Уильямом Инж, Полем Осборном или Самуэлем Тейлором, лучшими из наших современных драматургов».

В советских театрах классические пьесы чередуются в репертуаре с современными: «Мертвые души» и «Три сестры», с «захватывающим дыхание блеском исполненные артистами МХАТа», «Ярмарка тщеславия» в Малом театре, «Идиот» и «Дамы и Гусары» в Театре им. Вахтангова — вот далеко не полный перечень спектаклей, вызвавших восхищение даже у такого взыскательного специалиста, как Норрис Хоутон.

Сравнивая современную русскую драматургию с американской, Н. Хоутон приходит к справедливому выводу, что сам характер «русского реализма» противоположен «реализму американскому». «В Америке реализм, кажется, большей частью направлен на то, чтобы усиленно заниматься вопросами вырождения и секса. Под видом реализма нам предлагают поток драм, демонстрирующих все низы извращений, начиная от наркомании до гомосексуализма, от «кровосмешения» до людоедства. Мы иногда называем это взыскательностью, но я склонен утверждать, что увлечение нашего современного театра сексуализмом отражает скорее вызвав в обществе и извращенность вкусов».

«Русский реализм», по мнению Н. Хоутона, движется в прямо противоположном направлении. Сравнивая характер современных советских пьес с пьесами 30-х годов, автор книги приходит к выводу, что характер советской драматургии значительно изменился. Он считает, что по сравнению с 30-ми годами советские драматурги отошли от чисто производственных конфликтов, стали больше интересоваться духовным миром человека.

Так, конфликт пьесы И. Куприна «Сын века» затрагивает остроту, по мнению Н. Хоутона, проблему советской жизни — «честный конфликт между старым и новым». Секрет успеха В. Розова он видит в понимании драматургом «молодого послевоенного поколения» и даже, в некоторых отношениях, в послесталинского поколения». Правда нового на жизнь страстно отстаивает и пьеса «Друг мой, Колька!» А. Хмелика.

Но, несмотря на положительную оценку ряда пьес, работы советских драматургов не всегда удовлетворяют Норриса Хоутона.

«Они не имеют понятия о единстве и концентрации материала. Советские драматурги, кажется, еще не поняли, что драматургическая и повествательная формы — две очень разные вещи. В пьесу втискиваются подробности очаровывающих главного конфликта, каждый со своими маленькими конфликтами, которые во многих случаях драматург оставляет неразрешенными. Это, к сожалению, обычное дело, и к тому же советская пьеса, кажется, не знает, где ей нужно начаться и где кончиться... Действие развертывается медленно...». Н. Хоутон удивляет, что в «замечательной русской программе подготовки деятелей сцены не предусмотрено обучение теории драматургии».

Совершенно неожиданно для читателя влиянием недостатков советской драматургии автор объявляет... социалистический реализм. Прямо противореча себе же самому, своим выводам при анализе отдельных произведений, достоинством которых он считал значительность и общественную важность поднимаемых вопросов, Н. Хоутон вдруг объявляет злом советской драматургии то, что в ней «герой и героиня связаны не только своей жизнью, но и своей работой, и своей преданностью тому, что находится над и за их личными взаимоотношениями».

В ПРЕДИСЛОВИИ к книге автор предупреждает читателей, что со времени его первого знакомства с советским театром многое переменилось. Вероятно, пишет Н. Хоутон, изменился и он сам, а следовательно, и некоторые его взгляды. Сравнивая обе книги Хоутона, посвященные советскому театру, приходится, к сожалению, признать, что Норрис Хоутон действительно изменился. Он утерял в некоторой мере широту и глубину восприятия социальной значимости театрального искусства. Хочется напомнить самому автору и советским читателям замечательные строки из первой книги Н. Хоутона. Он отвергал своим соотечественникам, ратующим за права художника уйти от социальных вопросов в узкий круг своих сугубо личных интересов: «Те, кто полагает потерю свободы самовыражения в Советской России, не понимает, что советские деятели искусства видят жизнь такой, какая она есть в действительности в коммунистическом государстве. Искусство как уход от действительности невозможно в государстве, где людям не от чего уходить. Люди, прославляющие победу социализма, не имеют желания уходить в искусство, далекое от этих вопросов. Искусство уходило от действительности только тогда, когда общество теряло веру в себя».

Книги Н. Хоутона, посвященные жизни московских театров, безусловно, интересны: несмотря на неправильность, с нашей точки зрения, некоторых оценок, данных автором, они довольно полно знакомят зарубежных читателей с достижениями советского театра. Они позволяют советским людям взглянуть на свой театр глазами иностранца и полнее понять сильные и слабые его стороны.

И. КУЛИКОВА.

ЧТО НОВОГО В БЕЛГРАДЕ

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ Белграда оживленна и разнообразна. Всегда переполнены аудитории народных университетов и домов культуры, тысячи читателей склоняются над книгами в залах библиотек, открыты двери выставочных павильонов и стоят длинные очереди у театральных касс.

Интересна и многосложна программа нынешнего театрального сезона.

В репертуаре Белградского народного театра мы видим несколько опер русских композиторов: «Хованщину», которой открывался осенне-зимний сезон, «Бориса Годунова», «Евгения Онегина», идущую в эти дни с огромным успехом «Сорочинскую ярмарку», балет «Лебединое озеро» и некоторые другие. Без преувеличения можно сказать, что произведения русских композиторов в оперном репертуаре театра занимают самое видное место. Не менее характерно и то, что каждая из постановка проходит при переполненных залах.

С таким же огромным успехом идут в драматических театрах пьесы Островского, Чехова, Горького, Маяковского и вообще русская и советская драматургия.

Событием в театральной жизни столицы явилось в последние дни выступление Ю. Борисовой в трех спектаклях пьесы Арбузова «Иркутская история», поставленной на сцене Белградского народного театра.

Чаще, чем раньше, выступают теперь театральные труппы других социалистических стран. Совсем недавно закончил гастроли польский оперный театр из Познани. Зрителям столицы с живым интересом знакомились с программами своих гостей — артистов венгерского танцевального ансамбля «Будапешт», Софийской государственной филармонии и лейпцигского квартета «Гевандхауз». Высоко оценили они исполнительское мастерство советского пианиста Е. Малинина и польской пианистки Г. Черны-Стефаньской. Но особой их похвалы по праву заслуживает наш виолончелист М. Ростропович, гастролирующий сейчас вместе с пианистом А. Дедюхиным по городам Югославии.

Конечно, постоянная любовь белградцев отдана национальной классике и особенно великому югославскому комедиографу Б. Нушичу. Вместе с тем в репертуар смелее включаются произведения современных писателей. Народный театр в Белграде, например, наряду с другими пьесами показал драмы «Аретей» и «Господа Глембаевы» хорватского писателя М. Крлежа. В драматическом театре идет сейчас премьера пьесы «Проклятый двор», представляющей собой драматизацию главы из одноименного романа лауреата Нобелевской премии крупнейшего югославского писателя И. Андрича. Заслуженным успехом пользуются постановки пьес «Приключения Николетины Бурсача» Б. Чопича и «Открытие» Д. Чосича.

Еще одна примечательная особенность. На столичной сцене все чаще выступают сейчас художественные коллективы национальных республик страны.

Значительное внимание уделяют белградцы выставкам югославских художников.

Наиболее крупной из таких выставок была ежегодно устраиваемая под названием «Октябрьский салон». По замыслу устроителей, на ней должны экспонироваться произведения, представляющие лучшие достижения современного изобразительного искусства Югославии. Наряду с работами мастеров старшего поколения были полотна, написанные молодыми авторами, которые выступили в салоне впервые.

Но представленные здесь картины по своему содержанию и идейной направленности мало чем отличались от произведений, показанных в предыдущие годы. Многие из них в духе сюрреализма, абстракционизма и других «модных течений». Были, правда, и полотна, отражающие современную югославскую действительность, свидетельствующие о том, что реалистическое направление оказывает заметное влияние на художественное творчество. Но таких картин гораздо меньше.

В этом, несомненно, одна из причин того, что число посетителей «Октябрьского салона» с каждым днем уменьшается. Естественно, что в югославской печати появился ряд критических статей и заметок об этой выставке.

Почти одновременно в другом выставочном зале экспонировались работы художников, входящих в «ЛАДА», общество живописцев и скульпторов реалистического направления. Это общество небольшое — в нем всего около двадцати человек: Б. Ставанович, В. Поморишац, М. Голубович, Е. Перич и другие. Большая часть их работ — произведения пейзажной и портретной живописи, некоторые из них написаны на тему народно-освободительной войны. Среди них привлекает внимание картина Б. Поморишца «Партизаны в бою».

На наш взгляд, интересной по содержанию явилась открытая в конце прошлого месяца в Белграде выставка известного хорватского скульптора Ф. Кршинича.

В Белграде существовало пять самостоятельных маломощных киностудий. Совсем недавно они объединились в одну киностудию, что, несомненно, благотворно скажется на будущем югославской кинопромышленности.

В последнее время вышло несколько кинофильмов, получивших признание зрителей и свидетельствующих о растущем мастерстве работников югославского киноискусства. Среди них картины «Козара» и «Саша», отображающие события народно-освободительной войны. С интересом смотрится и картина «Крст Рамоц», в которой раскрывается тема борьбы народа за преобразование экономически слабых районов.

СЕГОДНЯ, как и вчера, лишь только сумерки спустились на землю и в городе вспыхнули тысячи электрических огней, белградцы поспешили в лекционные залы, выставочные павильоны, в театры, кино. Народ жаждет приобщения к знаниям и искусству.

Б. АФАНАСЬЕВ.

БЕЛГРАД. (По телефону).

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Просим через вашу газету передать глубокую благодарность всем друзьям покойного Георгия Семеновича Верейского, выразившим нам свое сочувствие и соболезнование.

Семья Верейских.

СКРИПАЧ ВЫСОКОГО КЛАССА

ЛАУРЕАТ первого Международного конкурса им. Чайковского скрипач Валерий Климов недавно возвратился из гастрольной поездки в Австралию и Новую Зеландию.

Пресса Австралии и Новой Зеландии высоко оценила виртуозную игру скрипача. Вот что пишет о Климове рецензент выходящей в Аделаиде газеты «Эдвертайзер» Гарольд Тидеман:

«Валерий Климов, русский скрипач исключительного магнетизма, дал великолепный концерт вместе с пианистом Владимиром Ямпольским».

Восторженный прием был оказан нашему скрипачу и его аккомпаниатору также в Мельбурне, Перте, Сиднее и других австралийских городах.

Не менее успешно гастролировал Валерий Климов в Новой Зеландии. Вот, например, как отзывается о выступлении Климова в Веллингтоне музыкальный критик газеты «Доминион» Рассел Бонд:

«После исполнения концерта Чайковского, — утверждает Бонд, — аудитория устроила бурную овацию, без конца вызывала солиста на сцену. Климов, безусловно, заслуживает такого приема. Он скрипач высокого класса».

—o—

Концерт швейцарского музыканта

В МОСКВЕ состоялся концерт швейцарского виолончелиста Анри Онеггера. Ученик Ю. Кленгеля, Д. Александяна и П. Казальса, он обладает хорошей школой и вкусом, развитой техникой, красивым естественным звуком небольшого динамического диапазона.

Отлично передал концертант характер сюиты известного французского гамбиста М. Марэ.

В Вариациях на тему из оперы «Волшебная флейта» Моцарта Онеггер и его соотечественница — пианистка Клер Паллар порадовали отличным ансамблем, а свойственное артисту легкое, воздушное звукоизвлечение весьма соответствовало характеру поэтической Сонаты Шуберта, в оригинале написанной для шестиструнного смычкового инструмента арпеджионе.

К наибольшим удачам концерта следует отнести исполнение Пяти пьес в народном стиле Шумана. Эти выразительные музыкальные миниатюры были «прочтены» ясно, непосредственно и своеобразно.

Л. ГИНЗБУРГ, профессор.

БРОДВЕЙ, ДЕКАБРЬ, 1962 ГОД

БРОДВЕЙ — это длинная, длинная улица. Она пролегает через весь Нью-Йорк, беря начало у порта, минуя Уолл-стрит, негритянские кварталы Гарлема и заканчиваясь в самом дальнем конце острова Манхэттен.

На середине этой огромной магистрали расположено около 50 разукрашенных зданий, ставших олицетворением американского театра.

В эти декабрьские дни, которые по традиции должны были бы стать блестящей кульминацией театрального сезона, Бродвей, как обычно, ярко освещен. Но он устлан «трупами», «трупами» мертворожденных пьес, которые так плохи, что скончались вскоре после того, как достигли Бродвея. Неудачи постигали после двух-трех представлений. И таких провалов было чрезмерно много в этом году — один или два каждую неделю.

Об этих провалившихся пьесах нечего сказать, кроме того, что они заслужили такой конец. Они просто плохие. Недоевшие. Большинство из них — бессодержательные фарсы и глупые мелодрамы, смакующие главную тему Бродвея — секс и деньги.

В настоящий момент на Бродвее идет двадцать семь спектаклей. Двенадцать из них — новые музыкальные комедии, еще двенадцать — спектакли, сохранившиеся от предыдущих сезонов. Кроме того, объявлено, что в ближайшие дни три пьесы будут сняты с репертуара.

Характерно, что лучшие пьесы, идущие сейчас на Бродвее, принадлежат перу английских авторов. Среди них—инсценировка по повести Сноу «Дело» и блестящая политическая сатира «За кулисами», написанная и поставленная четырьмя молодыми англичанами, один из которых — доктор медицины. Авторы едко высмеивают неудачи в международной политике, университетскую жизнь в Англии и английскую напыщенность в целом.

Третий спектакль — «Всегда Человек» англичанина Роберта Болта. В прошлом году Роберт Болт был отмечен как «лучший драматург», а его пьеса признана «лучшей пьесой года» и удостоена премий. Это и в самом деле хорошая вещь. Содержательная, мастерски написанная и блестяще поставленная. Ее тема — свобода совести. Хотя пьеса написана на историческом материале и показывает жизнь и эпоху Томаса Мора и английского короля Генриха VIII, она тем не менее звучит очень современно. Это прямой протест против политической инквизиции и дань людям, которые проявляют твердость в борьбе с ней. Пьеса обличает и политических «флюгеров», и тех, кто ради того, чтобы быть хотя бы на «хорошем счету» у инквизиторов, готовы принести в жертву своих друзей, коллег и даже благодетелей.

Безусловно, «Всегда Человек» является самой серьезной драмой, идущей сейчас на Бродвее. Английский актер Эмлин Вильямс, исполняющий главную роль, немало способствовал удаче спектакля своей замечательной игрой.

А какая из пьес, поставленных на Бродвее, хуже всего? Как это ни печально, но приходится признать, что хуже всего работа молодого американского драматурга, которого сейчас шумно превозносят как «наиболее обещающего». Его имя Эдвард Алби. Ему 34 года. Впервые он обратил на себя внимание несколько лет назад своими короткими человеконенавистническими пьесами, показанными на Бродвее. Наиболее характерной из них является пьеса «Случай в зоопарке». В «пьесе» два действующих лица. Они сидят на скамейке в зоопарке и без конца болтают на «абстракционистском», то есть на тарабарском языке о том, как трудно людям «общаться» друг с другом. В результате один убивает другого. Философией пьесы «Случай в зоопарке», по утверждению самого автора и его почитателей, является «необходимость насилия как последнего средства человеческого контакта».

В статье, помещенной в «Нью-Йорк таймс» в октябре этого года, Алби писал: «Я знаю, что успеху сопутствуют деньги и что на Бродвее чаще всего зарабатывают «грязные деньги».

Алби имеет теперь много денег, а его пьеса — «сногсшибательный успех».

Его новая пьеса еще более отвратительна. Она называется «Кто боится Вирджинии Вулф?». Вирджиния Вулф — известная английская писательница. Но к пьесе Алби она не имеет никакого отношения. Просто в конце герой поет своей захмелевшей жене песенку, которая начинается словами: «Кто боится Вирджинии Вулф?». Это перифраз детской песенки из мультфильма о трех поросятах: «Кто боится большого злого волка?».

В пьесе «Кто боится Вирджинии Вулф?» всего четыре персонажа — два профессора и их жены. Все действие происходит ночью в доме старшего из профессоров.

Все четверо напиваются допьяна и ругают друг друга непристойными словами.

Только один из американских театральных критиков набрался смелости предложить, чтобы действующие лица пьесы находились не на сцене, а в больнице для душевнобольных. Большинство же единодушно превозносит эту сумасбродную вещь как «великое произведение». Например, Макс Лернер в газете «Нью-Йорк пост» восторженно пишет об этой пьесе, как о «восхитительном путешествии в смерть и потусторонний мир». Инез Робб в «Уорлд-телеграм» подчеркивает, что это «очень модная пьеса». А театральный критик газеты «Нейшн» Гарольд Клёрман не только называет это произведение «лучшей пьесой года», но и с упоением смакует ее «изумительный садизм», заканчивая рецензию таким комплиментом: «Персонажи действуют в типично американской манере смертельного танца любви и ненависти».

Я американка, но не понимаю, кого считает Клёрман «типичными американцами». Американцы, я и берусь это утверждать, не исполняют «смертельного танца любви и ненависти» и не находят удовольствия в том, чтобы наводить друг друга бранью.

В обзоре бродвейских спектаклей необходимо назвать и «среднюю» новую пьесу. Не плохую и не хорошую. Таких несколько. Наиболее характерной из них является, пожалуй, новая музыкальная комедия «Мистер президент». Это коллективная работа нескольких авторов — известного американского композитора-песенника Ирвинга Берлина и хорошо зарекомендовавших себя драматурга Рассела Кроуза и Говарда Линдсея. Они уже написали ряд остроумных комедий об американской политике. Постановщик спектакля — выдающийся режиссер Джошуа Логан, а исполнители — популярные голливудские и бродвейские «звезды». Образ «Мистера президента» в этой музыкальной комедии собирателен. Где-то он напоминает Эйзенхауэра, где-то Трумэна, а в общем — всех вместе и никого в отдельности.

Правда, комедия «Мистер президент» говорит только о том, что жизнь американского президента лишена уединения и что это в конце концов может надоесть.

Об этой пустой, бессодержательной музыкальной комедии на Бродвее говорят как об «ослепительно золотом успехе». Задолго до премьеры билеты были распроданы на общую сумму в 2.600.000 долларов, главным образом женским клубам и туристам. На рекламный щит подняты «эффектные» имена, в частности имя Ирвинга Берлина, ныне человека весьма преклонного возраста. Короче, говоря красочным языком американской молодежи, пьеса «Мистер президент» — «nothing thing», то есть в переводе на русский — «никчемная вещь», «бодлга». Безвредная, сентиментальная, но никчемная.

В заключение хочу сказать, что в конце нынешнего сезона на Бродвее пойдет новая пьеса Теннеси Уильямса. Она называется «Поезд с молоком здесь больше не остановится». Недавно Уильямс заявил корреспондентам, что «жизнь — это джунгли, существование — бессмыслица» и что он покончил с пьесами о невротических важных женщинах. «Вы должны найти то, что я называю мистикой, в моих будущих произведениях», — сказал он.

Таков театральный Бродвей 1962 года.

Саша ЛУРИ, американская журналистка.

НЬЮ-ЙОРК, декабрь 1962 г.

А. П. ЗАХАРЕВИЧ

25 декабря с. г. скоропостижно скончался представитель Всесоюзного объединения «Совэкспортфильм» в Норвегии Анатолий Петрович Захаревич.

А. П. Захаревич родился в 1905 году в Ленинграде. В 1920 году он 15-летним подростком вступает добровольцем в Красную Армию, в рядах которой находится до 1927 года.

После демобилизации из армии А. П. Захаревич работает в системе советской кинематографии.

А. П. Захаревич участник Великой Отечественной войны. Он был награжден орденом Красной Звезды и медалями Советского Союза.

После демобилизации из рядов Советской Армии А. П. Захаревич с 1946 года работает на руководящей работе во Всесоюзном объединении «Совэкспортфильм», затем в качестве представителя этого объединения он работает в Голландии, Италии, КНР и Норвегии.

А. П. Захаревич пользовался большим уважением и авторитетом среди всех, кто его знал. Он был прекрасным товарищем и преданным делу партии коммунистом.

Группа товарищей.

В. П. АКИНФИЕВ

Театральное искусство Украины понесло большую утрату: скончался главный режиссер Севастопольского русского драматического театра имени А. В. Луначарского, заслуженный артист ЭССР Виктор Павлович Акинфиев.

В. П. Акинфиев родился 27 августа 1916 года в семье служащего в Москве. Стремясь с детства к театру, он в течение нескольких лет учился в театральном техникуме, затем — в театральном институте, был учеником В. Э. Мейерхольда. В 1936 году Акинфиев начал свою артистическую деятельность в Улан-Удэ. Затем — Иркутск, Кинешма, Шуя, Иваново, Таллин, Симферополь, Севастополь.

В 1953—1954 годах В. П. Акинфиев был выдвинут на руководящую работу, исполняя обязанности начальника Управления искусств при Совете Министров Эстонской ССР. За большие заслуги в развитии советского театрального искусства Виктору Павловичу Акинфиеву было присвоено почетное звание заслуженного артиста Эстонской ССР, он был награжден двумя орденами «Знак Почета».

Виктор Павлович Акинфиев был замечательным товарищем, большим общественником, отзывчивым человеком. Талантливый артист и режиссер, он являл пример высокого служения советскому искусству. Память о нем надолго останется в наших сердцах.

Группа товарищей.

Следующий номер «Советской культуры» выйдет 30 декабря с. г.

Главный редактор Д. Г. БОЛЬШОВ.

«Советская культура» выходит по вторникам, четвергам и субботам.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЬСТВА: Москва, центр, Чистые пруды, д. 19а. Телефоны: секретариат редакции К 7-36-22, отдел информации К 7-56-67 и К 7-40-71, отдел коммунистического воспитания В 7-20-00 и В 7-14-24, отдел театра К 7-97-64 и К 7-91-43, отдел музыки и эстрады К 7-57-73, отдел изобразительного искусства В 7-11-84, отдел кино К 7-14-71, отдел издательств, полиграфии и книготорговли К 7-22-48, отдел писем В 7-11-13, иностранный отдел К 7-40-14 и В 7-18-23, отдел оформления К 7-89-05, издательство К 7-28-10, бухгалтерия К 7-97-83.

Типография газеты «Гудок», Москва, ул. Станкевича, 7.

Б06309. Зак. № 3288.